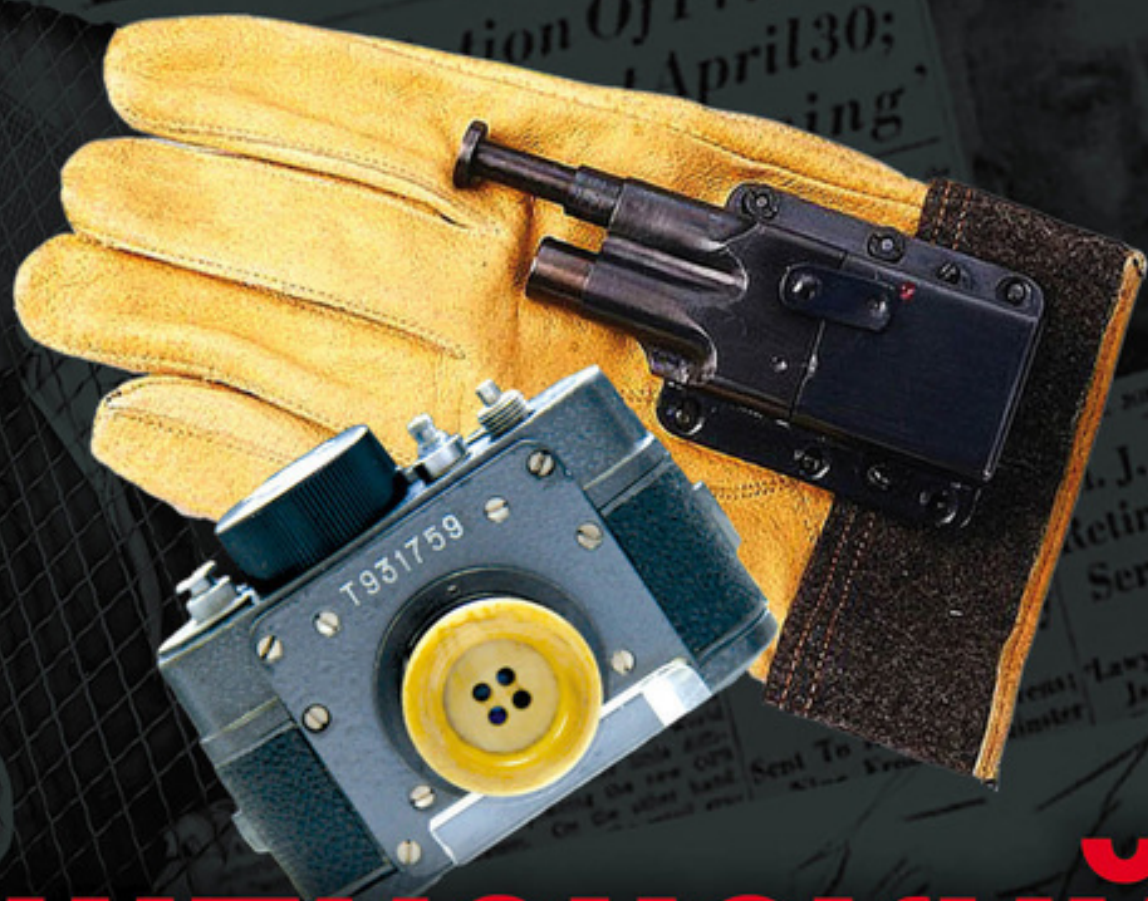

РАЗВЕДКА ► И ◀ КОНТРАЗВЕДКА

КИТ МЕЛТОН
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕНКО

ШПИОНСКИЙ АРСЕНАЛ

**ИСТОРИЯ ОПЕРАТИВНОЙ
ТЕХНИКИ СПЕЦСЛУЖБ**

Владимир Алексеенко

**Шпионский арсенал. История
оперативной техники спецслужб**

«Алгоритм»

2016

УДК 355.40
ББК 67.401.212

Алексеев В. И.

Шпионский арсенал. История оперативной техники
спецслужб / В. И. Алексеев — «Алгоритм», 2016

ISBN 978-5-906880-11-6

«Холодная война» спровоцировала начало «гонки вооружений» в сфере создания и применения одного из самых изощренных и скрытых от глаз инструментов шпиона – устройств специального назначения. Микрофототехника, скрытое наблюдение, стены и предметы бытовой и оргтехники, в нужный момент обретающие «уши», – это поле боя, на котором между спецслужбами уже более 60 лет ведется не менее ожесточенная борьба, чем на «шпионской передовой». Большинство историй, рассказанных в книге, долгие годы хранились в архивах под грифом «Секретно», и сегодня у нас есть редкая возможность – в деталях узнать о сложнейших и уникальных разведывательных и контрразведывательных операциях КГБ, успех или провал которых на 90 % зависел от устройств специального назначения. Владимир Алексеев более 20 лет прослужил в оперативно-технических подразделениях внешней разведки КГБ СССР и принимал непосредственное участие в описанных операциях. Кит Мелтон – американский историк и специалист по тайным операциям, владелец уникальной коллекции спецтехники (более 8 тыс. предметов, в т. ч. и тех, что продемонстрированы в данной книге).

УДК 355.40
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906880-11-6

© Алексеенко В. И., 2016

© Алгоритм, 2016

Содержание

Предисловие	7
Очерк I. Обучение и стажировка	10
Глава 1. «Добро пожаловать в секретный отдел ЦК КПСС»	10
Глава 2. Первые впечатления и попутные размышления уже на пенсии	14
Глава 3. Первое знакомство с новой Профессией. Даешь «закладку»!	16
Глава 4. Мои любимые «фотики»	19
Очерк II. Оперативная микрофотография	24
Глава 5. Письма-микроточки жене резидента	24
Глава 6. Первые шаги микрофотографии как способа секретной связи	26
Глава 7. Микрофотография в годы Второй мировой войны	30
Глава 8. Микрофотография в послевоенный период	34
Глава 9. Методы из готовления микроточки 1945–1950 гг.	35
Глава 10. Аппаратура для изготовления и чтения микроточки	43
Очерк III. Как появился первый советский специальный фотоаппарат «Аякс»	48
Глава 11. Фотокамеры МГБ для негласной съемки	48
Глава 12. Фотокамеры «Аякс -8 и Аякс-9»	51
Глава 13. Фотокамеры «Аякс -10» – «Аякс-12»	54
Глава 14. Фотоаппараты «Найлон», «Неоцит», «Заход»	60
Очерк IV. Зачет для чекиста	64
Глава 17. Фотоаппарат «Зачет»	64
Очерк V. Ломавшая судьбы американская зажигалка	69
Глава 16. Находка после партийного собрания	69
Глава 17. Признание директора оперативно-технической службы ЦРУ	71
Глава 18. Как учили агента ЦРУ TRIGON	74
Глава 19. судьба хозяина потерянной зажигалки	76
Очерк VI. Фотоаппараты компромата	78
Глава 20. Зачем и как дискредитировать человека	78
Глава 21. Фотоаппарат «Забег»	80
Глава 22. Подготовка и проведение мероприятия для фотосъемки компромата	84
Глава 23. Фотосъемка через потолочное перекрытие	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кит Мелтон, Владимир Алексеенко Шпионский арсенал. История оперативной техники спецслужб

© В. Алексеенко, 2016

© К. Мелтон, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

*Посвящается офицерам-ветеранам 14-го Отдела Управления
ОТ ПГУ КГБ СССР, мужественно и честно служившим своей
стране.*

Предисловие

О разведке и разведчиках, агентах и шпионах написано много интересных книг историками и ветеранами спецслужб. Авторы этих изданий интригуют читателя рассказами о самой тайной сфере деятельности, о легендарных захватывающих операциях разведки, которые заканчивались как успехами, так и неудачами. Главными героями в этих книгах выступают, как правило, оперативные офицеры разведки, руководившие своими агентами и осведомителями. Все они вместе как и раньше, во времена СССР, так и сейчас решают главную задачу разведки по добыванию секретной и важной для государства информации самого разного содержания и объема.

Вместе с оперативными офицерами действуют и другие сотрудники разведки самых разных специальностей, от аналитиков, шифровальщиков и связистов-радиостов до уникальных мастеров по сейфам и замкам, компьютерных гениев, собирающих информацию в закрытых, тщательно охраняемых базах данных, и талантливых мастеров “оперативного макияжа”, способных кардинально изменить внешность человека, если этого требуют условия проведения операции. Об этих уникальных специалистах рассказано достаточно много и подробно, чтобы российский читатель смог по достоинству оценить вклад каждого направления деятельности разведки.

Однако есть офицеры разведки, о которых практически до сих пор ничего не известно. Хотя сотрудники этого направления непосредственно принимают участие в операциях по добывании информации: они ее особым образом обрабатывают с целью надежного хранения и транспортировки, а также обеспечивают безопасность представительств России за рубежом.

Этим неизвестным направлением является оперативно-техническая служба российской разведки, которой в апреле 2015 г. исполнилось 60 лет и где одному из авторов довелось служить 20 лет в качестве офицера КГБ СССР, а затем, уже на пенсии, заниматься историями создания и применения особых устройств, которые в деятельности КГБ называются оперативной техникой, или коротко ОТ.

Юбилейный знак «60 лет Оперативно-технической службе российской разведки»

Для меня годы работы в качестве оперативно-технического сотрудника были самыми интересными и по-своему счастливыми, и я с огромной благодарностью вспоминаю всех тех, кто рекомендовал меня на службу в КГБ, и, конечно, моих руководителей, наставников и сослуживцев, заботливо и тщательно обучивших меня самым разным специальностям, от «охотника на жучков» и строителя особых, защищенных от подслушивания помещений до специалиста по микрофотографии, тайнописи, агентурной связи и по многим другим уникальным профессиям. Все те, с кем я работал первые годы в разведке, не таясь, передавали мне свой бесценный опыт, и это было нормой в службе ОТ, как, впрочем, и в других подразделениях центрального аппарата разведки в Москве.

Моя служба в ОТ сложилась весьма удачно и настолько интересно, что после выхода на пенсию периодически возникало желание рассказать об этой уникальной сфере деятельности с тем, чтобы вызвать интерес у студентов и выпускников технических институтов, которые для себя решают вопрос выбора профессии. С полной ответственностью хочу сказать

этой молодой аудитории, что служба в качестве офицера оперативно-технической службы разведки даст возможность овладеть многими специальностями и приобрести уникальный опыт работы, что в конечном итоге сделает вас востребованными не только в государственной сфере, но и в коммерческой деятельности, где в настоящее время активно работают собственные службы безопасности, постоянно нуждающиеся в квалифицированных и опытных оперативно-технических специалистах. На протяжении последних 25-ти пенсионных лет я постоянно сталкивался с тем, что самыми высококвалифицированными специалистами в этой сфере считаются офицеры ОТ разведки, владеющие самым широким спектром оперативной техники и получившие за рубежом реальный опыт противодействия западным спецслужбам.

Как-то Юрий Кобаладзе, первый руководитель пресс-бюро СВР, познакомил меня с Китом Мелтоном, американским историком и бизнесменом, автором многочисленных книг и статей об истории техники разведки и контрразведки, а также владельцем уникального музея специальной техники. Нас сразу объединило страстное желание сохранить для истории наиболее интересные образцы специальной техники и рассказать о примерах их использования. В 2000 г. вместе с Мелтоном мы приняли участие в изготовлении экспонатов для Международного музея шпионажа в Вашингтоне. В 2012 г. была издана «Тайная история спецтехники ЦРУ» о профессии оперативно-технического сотрудника разведки. Я занимался переводом, редактированием и оформлением этой новой книги Мелтона для российского читателя.

Кит Мелтон и я предоставляем широкой аудитории читателей книгу «Очерки истории специальной техники», в основу которой положены наши ранее изданные статьи, написанные на основе архивных материалов Музея Кита Мелтона и моей собственной практики. Кит Мелтон обозначен как первый автор этой книги, поскольку без его участия и поддержки эта книга никогда бы не была написана для российского читателя. Авторы полагают, что книга будет подарком ветеранам оперативно-технических подразделений российских спецслужб, которые вспомнят свои молодые, полные сил годы и увидят технику, которую много раз держали в руках и готовили для мероприятий.

Мы также создавали эту книгу как Музей специальной техники в надежде на то, что когда-нибудь в России создадут такой настоящий и открытый для всех желающих музей, как это уже сделано в США, Германии, Финляндии и др. странах.

Очерк I. Обучение и стажировка

Глава 1. «Добро пожаловать в секретный отдел ЦК КПСС»

Я остановился перед аккуратной надписью: «Научный центр исследований» на небольшой пристройке к высокому и мощному забору, за которым виднелся современный комплекс зданий из стекла и бетона. Где-то там, внутри, располагалась моя будущая работа, о которой я не имел ни малейшего представления, кроме шутки одного из кадровиков, что «придется по команде начальника быстро нажимать кнопки на специальной аппаратуре». В течение целого года моего оформления я все-таки узнал, что буду работать, точнее, служить в одном из подразделений центрального аппарата КГБ, однако других сведений у меня не было, а спросить молодых ребят, проходивших вместе со мной комиссии и собеседования, я не решался.

Во время последней встречи с кадровиком мне вручили пластиковый пропуск, где в маленьких квадратиках стояли совершенно непонятные значки, часть которых была «пробита» дырками вроде водительского талона предупреждений. Если кто-то помнит, сотрудники ГАИ СССР делали просечки за мелкие и крупные нарушения часто в зависимости от настроения инспектора милиции и степени заискивания, а иногда и агрессии водителя-нарушителя.

Нормальной на пропуске была только моя черно-белая фотография и длинный личный офицерский номер. И более ничего. Ни фамилии, ни имени с отчеством не было, и это уже само по себе создавало ощущения тайны и сопричастности к важной и секретной деятельности.

Как мне объяснил кадровик, стоянка специального автобуса до объекта (так часто в советские времена называли место моей службы) была недалеко от метро. На вопрос, а есть ли какая-либо табличка на стоянке или на автобусе, мне ответили, что недалеко от метро будут стоять строго одетые мужчины в костюмах с галстуками и женщины обязательно в платьях. Позднее я узнал, что в советские времена женские брюки были запрещены на всей территории моей работы. И действительно, поднявшись из метро и оглядевшись по сторонам, я сразу увидел небольшую очередь строго одетых людей, большинство которых читали утренние газеты.

Неожиданно подкатил новенький «львовский» автобус с темно-коричневыми «траурными» шторами на окнах, и через переднюю дверь люди по очереди чинно стали рассаживаться, предварительно показывая водителю такой же, как и у меня, пропуск. Я старательно сделал то же самое и оказался внутри. Ура, меня опознали как одного из своих, и это уже было неплохое для меня начало. Волнение немного улеглось, и мы покатали по МКАД. Было начало октября 1973 г., солнечный день уходящего бабьего лета, мой выходной костюм с белой рубашкой и галстуком – всё должно было придавать мне уверенности в первый день моей службы в КГБ.

По дороге от метро до объекта более всего меня волновали вопросы, которые скорее всего будут мне задавать во время первой встречи с руководством подразделения. Надо сказать, что в течение года оформления в КГБ я уже ответил на огромное количество вопросов в процессе сначала медицинских обследований, а затем различных и многочисленных собеседований, проверки всех документов моих родителей, жены и близких родственников. Особо тщательно надо было писать биографии родителей. Завершающим этапом явилось

заполнение кадровой анкеты и двухдневное тестирование. В первый день теста это было что-то вроде коротких устных экзаменов на запоминание текста, расположения фигур, фотографий лиц и многое другое. На второй день меня проверяли на полиграфе, где два сотрудника в белых халатах посадили меня в специальное кресло, повесили на руки и пальцы различные датчики и, стоя за спиной, задавали мне несколько часов самые разные вопросы, касающиеся моей биографии, учебы и семьи.

Терзая себя мыслями об ответах на предстоящие вопросы, я не заметил, как автобус остановился, и все пассажиры прошли через стеклянные двери внутрь территории, показывая стоящим вдоль узких проходов строгим молодым людям свои пропуска. Я же не знал, что делать, и повернул направо к небольшому домику с красивой вывеской «Научный центр исследований» и далее более скромной – «Бюро пропусков». Внутри на столике стояли телефоны, я набрал известный мне номер, сообщил о прибытии в первый раз, и мне ответили, что за мной придут. Через 10 минут появился мой сопровождающий, он оказался таким же молодым парнем, как и я. Весело посмотрев, он пожал мне руку, спросил: «Владимир Николаевич?», затем провел меня через охрану, и далее по дорожке среди белых березок мы вышли к необыкновенно красивому 6-ти этажному зданию с овальным козырьком над центральным входом. Фойе цокольного этажа из светло-серого мрамора показалось мне, как в современном по тем временам театре. В глубине фойе располагался уютный журнальный киоск с красивой продавщицей средних лет с элегантной прической и в нарядном платье. Мы поднялись на финском лифте на верхний 6-ой этаж, и меня посадили в коридоре в уютное кресло перед огромным витражом, через которое открывался красивый вид на МКАД в окружении еще зеленого леса.

Просидев в кресле около часа и не дождавшись приглашения, я заглянул в кабинет секретаря, который выделялся по интенсивности заходивших и выходивших из этого помещения сотрудников. Приветливая дама-секретарь попросила меня подождать еще немного, и через несколько минут меня пригласили в просторный кабинет руководителя, который с улыбкой встал мне навстречу, пожал руку и произнес:

Здание ПГУ КГБ СССР (из архива Keith Melton Spy Museum)

– Добро пожаловать, Владимир Николаевич, в особый секретный отдел ЦК КПСС.

Ноги мои стали слегка ватными, и руководитель, Евгений Иванович, в красивом темно-синем костюме, видя мое замешательство, вовремя пригласил меня сесть в кресло. А сам вернулся за свой большой рабочий стол с аккуратно разложенными бумагами и, сидя, некоторое время пристально с улыбкой меня рассматривал. Я же, собравшись с духом, довольно бодро выдал слова благодарности и добавил, что горжусь оказанным мне доверием и постараюсь его оправдать. Евгений Иванович улыбнулся еще раз и начал спрашивать меня об институтской учебе и практике, моей специализации и увлечениях. Ему явно понравились радиомонтажные навыки, полученные мною еще в школе и затем на институтской кафедре радиотехники. Потом были расспросы о семье, родителях и родственниках жены.

Позднее я узнал, что моя служба началась в 14-ом отделе Первого главного управления КГБ (ПГУ КГБ), а вовсе не в ЦК КПСС, и я долго ломал голову, почему руководитель озадачил меня таким приветствием? Мне рассказали, что Евгений Иванович до службы в КГБ занимался партийной работой, а затем был рекомендован кураторами из ЦК КПСС возглавить отдел оперативной техники разведки: именно так назывался 14-ый Отдел ПГУ в служебных документах Комитета. А столь необычное приветствие в мой адрес оказалось его шуткой – проверкой молодых сотрудников, приходивших в отдел под его «крыло».

Забегая вперед, скажу, что в первые несколько лет моей службы в отделе я услышал много высказываний в адрес нашего руководителя. Они были большей частью доброжелательными и, по моему мнению, совершенно справедливыми. Конечно, были и те, кто носил обиду на Евгения Ивановича, чья партийная выучка иногда не давала ему смелости идти к руководству ПГУ для защиты «штрафника» от увольнения, например, офицера, напившегося на рабочем месте, устроившего скандал за границей или грешившего любовными уте-

хами на стороне. Но такие единичные случаи были как ЧП, поскольку дисциплина офицеров ПГУ, прошедших тщательные кадровый и партийный отборы, была намного более строгой и осознанной, чем у офицеров других управлений КГБ, и это не было секретом.

Как я убедился на собственном опыте, работа за границей была серьезной и всесторонней проверкой для офицеров КГБ да и для всех сотрудников советских представительств. Бытовавшая в советские времена поговорка: «Я бы с ним в разведку не пошел» или, наоборот, «Я бы с ним пошел...» – была совершенно справедливой. Заграница проверяла людей, как настоящий детектор лжи или рентгеновский аппарат, который мог просвечивать человека насквозь. Однако бывало и так, что руководители баловали своих любимчиков, не обращали внимание на критику в их адрес, что иногда заканчивалось весьма печально. Но об этом более подробно в других главах.

Глава 2. Первые впечатления и попутные размышления уже на пенсии

Итак, началась моя служба в КГБ. На следующий рабочий день уже без дрожи в коленках я начал осматриваться. Новое здание штаб-квартиры разведки было построено год назад, в 1972 г., под «легендой» элитного санатория, расположенного в красивом лесном массиве. Внутри все было отделано финскими материалами, сверкали блеском мраморные холлы и новенькие лифты, не дожидаясь которых мы, «молодняк», носились по удобным лестницам и красивому финскому паркету. В аккуратной, чистой столовой и кафе офицеры наслаждались дружеским трепом среди комфортной мебели за вкусным обедом и чашкой ароматного кофе.

Мне сразу понравилось абсолютно все, особенно небольшие и уютные кабинеты для двух сотрудников, с огромными окнами, встроенными шкафами для сейфов и одежды, с редкой по тем временам системой кондиционирования. За новым финским столом было приятно сидеть в элегантном вращающемся кресле, а для посетителей имелись не менее удобные стулья.

Все располагало к тому, что и сама моя служба будет такой же красивой, современной и по-своему элегантной, как в советских детективных фильмах. И мне сразу захотелось с головой окунуться в этот пока загадочный, но уже доступный для меня мир с героями-разведчиками, крепкой, надежной мужской дружбой и справедливыми отцами-командирами. Через несколько лет многие из этих первых впечатлений кардинально изменились, однако до сих пор я сохранил любовь к своей уникальной профессии, уважение к товарищам, многих из которых уже нет...

Воспоминания о службе в разведке, ставшей для меня главным смыслом жизни, размышления о неудачах и успехах, с которыми пришлось сталкиваться, навели на мысль, что работа «не отпускает» меня до сих пор. И как результат мне регулярно снятся резидентура, мои сослуживцы и одна из операций, где что-то не удалось. Проснувшись под утро, начинаю восстанавливать детали, «ковыряться» в своих поступках и размышлять над реакцией товарищей. А потом с горечью сознавать, что прошедших лет моей службы, по-своему счастливых, полных радости, энергии и удачи, увы, не вернуть. Мне же остается только вспоминать все, что было важным, интересным и полезным, и пытаться перенести это на бумагу.

Хочу надеяться, что все те, кто прочтет эти воспоминания и очерки, узнают об уникальной работе разведки в период, когда мы жили в огромной и сильной державе, которую боялись наши противники и уважали друзья. Интересный эпизод: я, как дипломат, часто возил с дипломатической почтой громоздкие системы ОТ, пересекая границу между ФРГ и ГДР, через этот фронтовой рубеж между Востоком и Западом. И мои знакомые западные немцы как бы в шутку, шепотом, просили меня передать советским начальникам в ГДР о том страхе, который испытывала в то время Западная Европа перед огромной лавиной танков на границе с ФРГ. Немцы были уверены, что по приказу из Москвы эта железная армада сможет за полчаса «перепакать» всю Европу до берегов Атлантики. Об этом на Западе никто не забывал, все боялись СССР и его союзников, и потому советская разведка в Европе могла работать гораздо увереннее и спокойнее, чем, например, в США. Это придавало нам силы и смелости, часто в явно рискованных мероприятиях. Успехи кружили головы, мы иногда забывали об опасности и противнике, который иногда пользовался нашей эйфорией и преподносил нам такие сюрпризы, которые нередко ломали наши предыдущие успехи.

В США было по-своему легче: мы ежедневно видели за собой слежку, ее действия, понимали и чувствовали работу контрразведки ФБР против нас. Это заставляло и руководство, и офицеров не забывать о конспирации и безопасности нашей работы, о надежности

защиты наших секретов. Планируя операции в городе, мы старались угадать все возможные варианты ловушек и действий ФБР, готовились страховать своих товарищей в случае неудачи и постоянно смотрели по сторонам, когда «вдруг» исчезала демонстративная слежка.

А в Европе все было наоборот. Слежка была крайне редкой, и ежедневная оперативная работа в тихой, сонной Европе иногда успокаивала оперативников, которые после стандартной проверки уверенно двигались к месту проведения операции. Да и сама работа внутри посольства и резидентуры КГБ в Европе больше напоминала суетливую и веселую московскую жизнь. И за такое спокойствие приходилось жестоко расплачиваться, беспощадно ругая и себя, и товарищей за потерю бдительности, пренебрежение золотыми принципами безопасности и конспирации, которые, как дорожные правила, были написаны кровью и поломанными судьбами офицеров, угодивших в ловушки противника или сделавших шаги в сторону провала. Но об этом потом, в последующих главах...

Глава 3. Первое знакомство с новой Профессией. Даешь «закладку»!

Через несколько дней после начала службы в ПГУ мне, еще «зеленому» офицеру, вместо пистолета, о котором я столько мечтал, выдали в секретариате под расписку толстую тетрадь унылого бутылочного цвета с интригующим заголовком «Для записей секретного содержания» и велели двигаться в конец длинного коридора, где располагался учебный кабинет, или коротко «учебка». Здесь мне предстояло провести целый год подготовки в компании таких же «зеленых», но уже гордых званием «офицер КГБ» молодых парней.

Наш распорядок дня, как и всех других офицеров ПГУ, складывался из основной работы, занятий спортом дважды в неделю в бассейне или в борцовском зале, ежемесячной стрельбы по три патрона из пистолета в подземном тире и посещения курсов иностранных языков, кому это было позволено. Офицеры в основном старались придерживаться такого расписания, для многих спорт был хорошей разрядкой после многих часов сидячей работы с документами. Некоторые же пропускали спорт, кто из-за лени, а кто, возможно, стеснялся своей полноватой фигуры и невозможности выполнить офицерские нормативы.

Потянулись однообразные дни нашей самостоятельной подготовки, и мои товарищи после обеда начали, не таясь, дремать над учебными пособиями. Я как мог держался несколько дней, а потом вместе со всеми стал зевать, как «лев, после удачной охоты и сытного обеда». Наш сонный вид скоро заметили, и после обеда опытные сотрудники отдела начали с нами занятия. Не все наши наставники имели лекционный опыт, но детали их рассказов вместе с показами специальной техники были настолько интересными, что мы сидели, разинув рты и ловили каждое слово. Однако и тут начинались сны и даже с вежливым храпом. Особенно отличались офицеры со стажем, переведенные в 14-ый отдел из других управлений КГБ. Возможно, они уже имели представление о зарубежной работе сотрудника ОТ, но спать, особенно в первом ряду на глазах ветеранов отдела, нам казалось оскорблением. Мы потихоньку будили спящих после обеда «львов» и старались посадить их подальше на последние ряды. Но храп доносился и оттуда, и, чтобы его заглушить, мы громко задавали вопросы и двигали стулья. В середине занятия «львы» просыпались и, отдохнув, энергично останавливали рассказы инструкторов своими вопросами и даже дополнениями. Мы потом узнали, что активность на таких занятиях бралась руководством на заметку, чтобы точнее определить способности и настрой каждого нового офицера. Кстати, сон и храп на занятиях не оставляли без внимания.

Во время этой, уже настоящей учебы мы наконец-то получили представление о деятельности 14-го отдела. Оказывается, что офицер ОТ за границей занимает официальную должность «атташе по связи», руководит и отвечает за техническую безопасность зданий представительства. Мы узнали, что сотрудник ОТ организует защиту территорий и зданий от террористических атак, ведет поиск техники подслушивания, обеспечивает защиту коммуникаций здания от съема информации, отвечает за пожаробезопасность, контролирует самые разные технические работы на соответствие требованиям безопасности и многое другое.

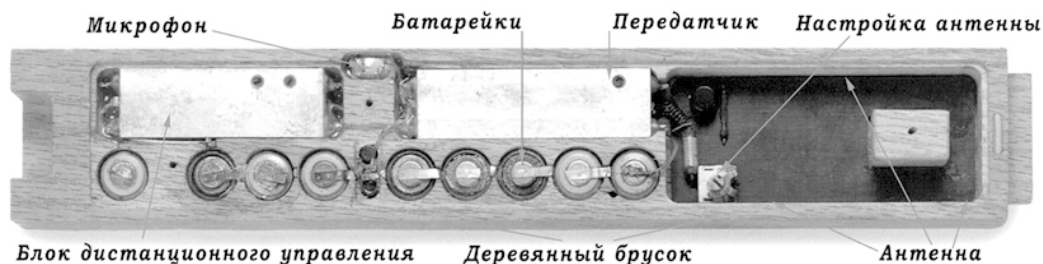
Нас поразило количество задач, с которыми офицер ОТ должен справляться за границей. В беседах с опытными сотрудниками отдела задавался вопрос, а почему КГБ должен контролировать технические работы по обслуживанию советских зданий за границей? Ответом была впечатляющая статистика обнаружения самых разных «жучков» после мелкого и крупного ремонта, выполненного иностранцами. Особенно активно спецслужбы использовали строительство новых советских зданий для установки техники подслушивания.

Как нам показали на многих примерах, доверия к иностранным рабочим не было, и потому все работы по обслуживанию советских зданий должны выполнять специалисты из

СССР или техники из состава представительства. А контролировать все эти работы и проверять их обязаны офицеры ОТ. Согласно указаниям ЦК КПСС (ничуть не меньше) сотрудники 14-го отдела имели официальные полномочия для контроля всех технических работ внутри любых советских представительств, их помещений, а также руководили и принимали участие в мероприятиях по техническому оснащению особо важных помещений. Такими считались кабинеты руководителей представительств СССР: посла, торгпреда, генерального консула. Объектами нашего обслуживания также были кабинеты в особо важных помещениях, таких, как референтура, где колдовали шифровальщики со своими тайнами и велась вся работа с секретными документами.

Особой сферой защиты для сотрудника ОТ была своя родная резидентура, где работали офицеры разведки КГБ. Эти помещения оборудовались специальной защитой от подслушивания и периодически проверялись. Именно в этих помещениях планировались и готовились все мероприятия разведки, проводились совещания и «разборы полетов», снаряжалась оперативная техника перед использованием в «городе».

Продолжая занятия в учебном классе, мы познакомились с другим, не менее важным направлением нашей будущей работы. В служебных документах это называлось оперативно-техническое обеспечение деятельности резидентуры КГБ. Главной задачей резидентуры была работа с агентурой для добывания актуальной разведывательной информации, для чего могла использоваться оперативная техника. При этом ставилась задача обеспечения безопасности всех оперативных мероприятий, что также не обходилось без разнообразной специальной аппаратуры. Во всех направлениях работы сотрудник ОТ должен был проявить максимум усилий, чтобы, с одной стороны, показать оперативникам все возможности техники, а с другой стороны, грамотно обучить оперативников приемам ее использования. Получалось так, что офицер ОТ должен быть не только классным техническим специалистом, но и уметь расположить к себе офицеров для активного и, главное, правильного использования технических средств.

Учебная радиозакладка в деревянном бруске (из архива Keith Melton Spy Museum)

Занятия с опытными сотрудниками отдела заставили нас по-другому взглянуть на инструкции в учебном классе и на образцы специальной техники, имевшейся для нашей тренировки. Особый интерес вызывали стенды с образцами техники подслушивания, обнаруженной сотрудниками отдела в советских представительствах за рубежом. На жаргоне КГБ такая иностранная техника называлась «закладками», и, как мы узнали позднее, обнаружение закладки оценивалось как высший результат работы оперативно-технического сотрудника, что отмечалось ведомственной или правительственной наградой. Каждый из нас сразу начал мечтать о таком личном успехе. Однако из бесед с опытными офицерами отдела мы узнали, что поиск закладок далеко не всегда заканчивался их обнаружением. Это была тяжелая, изнурительная и требующая отдачи всех сил работа, в чем я смог убедиться на собственном опыте.

Забегаю вперед, хочу пояснить, чтобы найти и самому извлечь «закладку», требуется стечение многих обстоятельств, среди которых «госпожа удача» часто бывает на первом месте. В 14-ом отделе в период 1972–1975 гг. появилось много профессиональных поисковиков из Оперативно-технического управления КГБ (далее ОТУ КГБ) с большим опытом работы, и далеко не всем, к сожалению, посчастливилось поддержать в руках «свою закладку».

Мне же невероятно повезло, и в первой заграничной командировке в США удалось дважды вытаскивать закладки, испытывая ни с чем не сравнимое волнение и гордость. Но как тогда, так и теперь хочу сказать, что дороги к моему личному успеху были проложены старшими товарищами и без их наставнической помощи, уроков и рекомендаций у меня бы ничего не вышло. К тому же многолетняя статистика обнаружения закладок, как мы узнали на занятиях, показывала, что положительному результату предшествует постоянный, многократно повторяющийся и продолжительный поиск «вражеской» техники подслушивания в тех странах, где западные спецслужбы, и в первую очередь ЦРУ и ФБР, проводят активную работу в отношении советских, а сегодня и российских представительств. В оперативной истории 14-го отдела был случай, когда систему подслушивания нашли только после пяти лет кропотливого поиска.

Надо сказать, что диплом «охотника на жучков» в настоящее время можно получить и на различных коммерческих курсах в Москве. Однако реальную практику как в советские времена, так и сейчас получают только сотрудники службы ОТ СВР, организуя поиск закладок в разных странах и в самых разных условиях. С полной ответственностью могу сказать, что только в ОТ СВР имеется огромный результативный опыт поиска и обнаружения закладок, чему позавидовали бы многие западные спецслужбы, а российские коммерческие организации безопасности тем более.

Глава 4. Мои любимые «фотики»

Именно так ласково – «фотики» называли в ПГУ офицеров направления специальной фотографии 14 отдела за их безотказность, доброжелательность и корректность. «Фотики» были моим первым коллективом, куда меня пригласили стажироваться. Ветеран коллектива, Василий Иванович, небольшого роста, сухонький, резкий, встретил меня в синем халате с пятнами от фотохимикатов. Заметив мой взгляд на халат, Василий Иванович мимоходом сказал, что есть и чистые, попросил подождать, посадил меня в кресло, а сам ушел за темную штору в фотолабораторию. В кабинет несколько раз заглядывали посетители с вопросом, а где начальство? Несколько человек остались ждать, сидя рядом со мной. У многих в руках были папки и конверты, вероятнее всего, с заданиями для фотонаправления. Наконец появился Василий Иванович уже в костюме и начал прием посетителей. И тут я услышал настоящие боевые задания от подразделений разведки: сделать цветное фото для иностранного паспорта, изготовить микроточку, о которой я ничего не слышал, сфотографироваться на удостоверение КГБ, проявить полученные от агента оперативные фото пленки из резидентуры, срочно отпечатать фотоклише для руководства ПГУ и многое другое.

К этому потоку заданий Василий Иванович отнесся совершенно спокойно. Он внимательно читал каждое письмо-заявку, аккуратно регистрировал их в специальном журнале, в котором затем офицеры ставили свои подписи. Тут появился Сергей Дмитриевич, также ветеран коллектива, временно замещавший начальника фотонаправления. Он внимательно прочитал задания, поставил на каждом свою подпись и резолюцию, кому какую работу выполнять. Я сидел, не шелохнувшись, стараясь уловить важность каждого задания и надеясь посмотреть, а как его будут выполнять мои наставники-профессионалы.

На столе часто звонил телефон, по которому задавались одни и те же вопросы, когда можно оформить и сдать в работу задание, а также когда оно будет выполнено. Все подразделения ПГУ хотели получить результаты побыстрее, но никто не стал им объяснять, что часть сотрудников в отпусках и коротких командировках. Их опыт сам подсказывал, какие работы надо делать срочно, а что можно отложить на пару дней. Мое появление у «фотиков» также объяснялось временной нехваткой кадров.

На следующий день очередь офицеров с заданиями повторилась, и я начал понимать, что фотоработы в разведке занимают особое место. Как-то днем, когда посетители исчезли на обеденный перерыв, Василий Иванович, закрыв журнал регистрации, сказал: «Ну, теперь ты понял, какое направление самое важное в 14-ом отделе?» И действительно, работая уже за границей, мне довелось слышать отзывы оперативников о моих сослуживцах. Главной похвалой была фраза: «А ваш сотрудник (называлась фамилия) – это фотограф “от бога”», – и такую марку надо было держать постоянно, поскольку заработать авторитет специалиста в резидентуре и в Москве надо было годами, а потерять можно сразу, после одной ошибки.

Итак, я начал свою практику в качестве стажера и стал выполнять несложные задания. Через неделю появился из отпуска Игорь Кузьмич, который справедливо считался в то время одним из лучших, ведущих сотрудников спецфотографии. Игорь Кузьмич начал учить меня правилам портретной фотосъемки, которая велась постоянно, поскольку фотографии на удостоверения и на загранпаспорта требовались всем офицерам ПГУ. Я учился «ставить» свет, корректировать позу объекта и поворот его головы во время съемки, стал осваивать сложные импортные модели фотоаппаратов. Настал день, когда мне поручили самостоятельно делать портретные съемки.

Надо сказать, что портретная съемка велась в отдельном помещении, где на «плечиках» висели несколько военных кителей, рубашек, галстуков и все виды погон. Начиная с 1970-х гг., сотрудникам ПГУ запретили ношение военной формы, и потому для фотографий

на удостоверение офицеров ПГУ КГБ использовались всего несколько военных комплектов, которые подгонялись по фигуре с помощью прищепок и булавок. Исключение делалось только для генералов, которым в спецателье КГБ шились на заказ парадные генеральские мундиры. Но в ПГУ в то время был всего десяток генералов, и такая съемка, требующая от «фотиков» особой подготовки, проводилась очень редко.

Я освоил интересный прием: дело в том, что после фотографирования на удостоверение офицерам ПГУ рекомендовалось сохранить негатив. Через пару-тройку лет офицер ПГУ получал следующее звание, повышался в должности, приходил к «фотикам» с просьбой сделать новое фото на удостоверение. Чтобы сэкономить время на фотосъемку, фотики искусно рисовали раствором йода на негативе новую звездочку и печатали старый негатив. Об этом фокусе скоро узнали все офицеры ПГУ, после чего бережно хранили негативы своих фотографий в военной форме.

Следующей учебой для меня явилась портретная фотопечать. В направлении использовались в основном импортные фотоматериалы и своя особая технология обработки экспонированной фотопленки, а для фотопечати применялись удобные фотоувеличители немецкой фирмы «Durst» с многочисленными системами регулировки и подстройки. Мои первые самостоятельно отпечатанные фотоснимки целиком забраковали, показав все ошибки. И я стал учиться заново технике фотопечати, хотя до КГБ часто занимался фотоработами и в школе, и в институте. Все пришлось забыть.

Самой кропотливой работой считалось ретуширование портретных негативов для печатания фотографий на иностранные документы и паспорта. Ретушь выполнялась часами вручную, десятками карандашей разной твердости, и все единогласно доверяли это крайне сложное и кропотливое дело только нескольким специалистам, Игорю Кузьмичу и Сергею Дмитриевичу.

Через месяц появился начальник фотонаправления Николай Алексеевич Левшин, вернувшийся из командировки. Полковник Левшин, чей стаж работы в КГБ начинался в 1948 г. с курсов специальной технической подготовки, был для всего 14-го отдела и специалистом, и руководителем особо уровня. Всегда аккуратно одетый, со строгим, чуть ироничным взглядом, но всегда внимательный к вопросам любой сложности, Николай Алексеевич стал моим наставником на долгие годы. После службы в КГБ мы несколько лет вместе работали уже на пенсии, и для меня его рабочие, житейские советы и рекомендации всегда были и важными, и полезными.

Левшин Николай Алексеевич, 1928–2000 г. (фото из журнала «Мужская работа», № 14, 2002 г.)

Офицеры фотонаправления были коллективом интеллектуалов, кастой специалистов, особо ценимой в ПГУ. Деятельность офицера ОТ за границей была во многом связана с использованием самой разнообразной фототехники, от фотокопировальных установок и фотокамер для скрытой (незаметной) съемки людей до миниатюрных агентурных фотокамер в авторучках, зажигалках и даже в губной помаде. Все эти разные фотосистемы и камеры требовали особых приемов обработки фотопленки, специальных навыков печати фотоснимков часто в большом количестве, добиваясь читаемости каждого фотоклише. И все это надо было грамотно и без ошибок выполнять сотруднику ОТ резидентуры, не забывая о других важных направлениях своей работы.

К этому надо добавить дополнительное обучение уже в резидентурах оперативных офицеров фотомастерству, особенно в тех случаях, когда специальной фототехникой должен был пользоваться их агент для съемки особо важных секретных документов. И если фотокопии таких документов оказывались плохого качества, виновным считался сотрудник

ОТ. И потому офицеры направления во главе с Николаем Алексеевичем в прямом смысле гоняли сотрудников и 14-го отдела и всего ПГУ в период подготовки в Москве, чтобы они в резидентурах могли добиваться требуемой четкости выполнения особых фототехнологий, соблюдения всех этапов подготовки фототехники и многократной проверки надежности фотоустройств перед оперативным мероприятием.

Надо сказать, если за границей сотрудник ОТ отличался мастерством как фотоспециалист, его ценили не только офицеры резидентуры, но и сам резидент КГБ, и часто руководитель советского представительства. И, конечно, в первую очередь в этом была заслуга сотрудников фотонаправления, строго, тщательно и заботливо обучавших всех офицеров ПГУ, проходивших подготовку перед выездом в командировку. До сих пор вспоминаю тревогу и нервозность опытных офицеров ОТ, которым предстояло сдать экзамен «самому Левшину», не прощавшему плохой подготовки и ошибок на зачете. Как-то во время заключительной беседы на вопрос Николая Алексеевича, чем отличается зеркальный фотоаппарат от дальномерного, капитан с большим стажем работы в радиотехнической лаборатории ОТУ КГБ после некоторой паузы робко ответил, что «зеркалка будет подороже, чем дальномерная камера». Этот ответ еще долго вызывал хохот у всей учебной группы. Посмеявшись, Николай Алексеевич отправил капитана обратно на подготовку.

Продолжая стажировку в направлении, я начал осваивать особые фотокамеры для негласной съемки. Это были специально сконструированные для КГБ фотоаппараты, которые прятались в пальто, под пиджак, за брючный ремень. Объективы таких «хитрых» камер маскировались специальными пуговицами с раздвигающимися шторками, а для женских костюмов применялись особые брошки с прозрачными стеклами. Даже заколка для мужского галстука могла скрывать специальный фотоаппарат. Эти и многие другие системы маскировки назвались «камуфляжами», или «прикрытиями». Такие особые фотосистемы впервые были разработаны для служб наружного наблюдения (далее НН, или «наружка»), когда во время слежки за человеком требовалось незаметно его сфотографировать. Важными снимками считались его действия, например, во время встречи с другим человеком, посещение квартир, учреждений и особенно поступки, которые у сотрудников НН считались подозрительными.

Несколько лет назад в открытой печати вышла трилогия «Наружное наблюдение» Андрея Константинова. В этих книгах подробно рассказывается о работе сотрудников НН российской полиции и приемах, которые они используют для негласной фотосъемки. Сегодня, в эпоху цифровой техники, негласное фотографирование стало гораздо более удобным для сотрудников специальных служб. Отпала необходимость в выборе фотопленки, которую приходилось весьма аккуратно устанавливать в фотокамеру. Выбор диафрагмы, выдержки, установка резкости теперь выполняются автоматически, а сам цифровой снимок можно за секунды передать с помощью мобильного телефона в оперативный центр. Мы же об этом не мечтали, поэтому многократно тренировались, тщательно следуя наставлениям наших «фотиков».

Надо сказать, что знание особенностей работы со специальной фототехникой не передавалось по наследству, поскольку новая фотоаппаратура регулярно поступала в 14-й отдел из ОТУ КГБ, где проектировалась и создавалась талантливыми офицерами-конструкторами специальной лаборатории НИЛ-11. Ее сотрудники нередко привозили в 14-й отдел опытные образцы, которые испытывали и оценивали со всех сторон совместно с опытными сотрудниками фотонаправления. Нередко такие опытные образцы новой фототехники имели высокие оптические параметры, однако проигрывали в надежности, а это считалось одним из главных показателей пригодности специальной техники для оперативной работы. Практика общения с офицерами-конструкторами была всегда полезной, и в дальнейшем рекоменда-

ции сотрудников 14-го отдела учитывались в процессе совершенствования опытных образцов и модернизации уже используемой сотрудниками ПГУ спецтехникой.

За несколько месяцев работы я освоил многие фототехнологии, мне периодически поручали выполнение несложных заданий оперативных подразделений и в дальнейшем меня даже привлекали для больших по объему фоторабот, таких, как фотосъемка на новые партийные документы, замена которых проводилась в 1976 г.

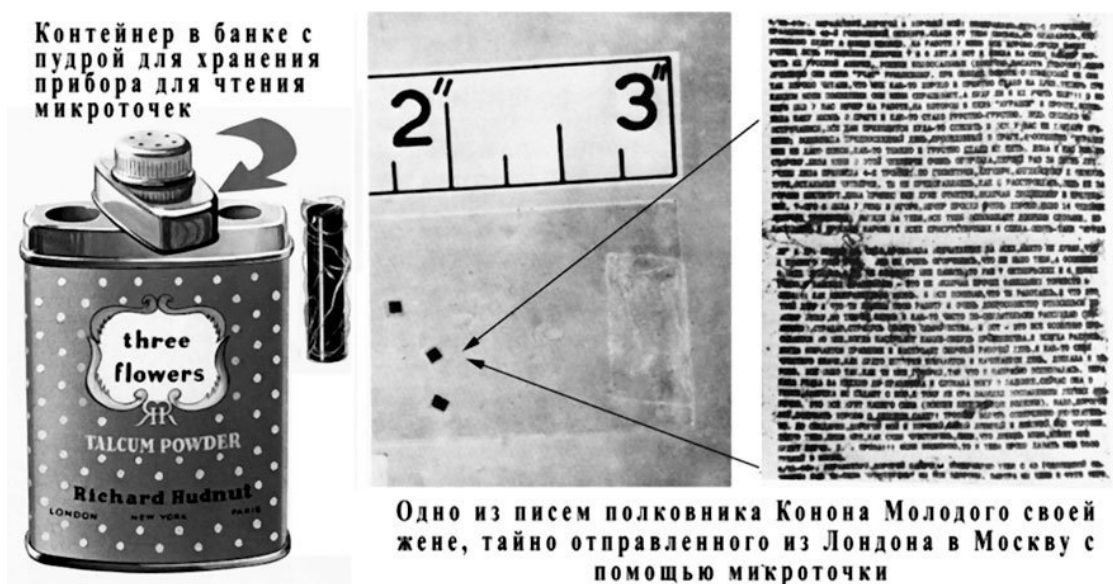
После стажировки у «фотиков» я «прошел» еще несколько направлений ОТ, где опытные сотрудники отдела обучили меня тонкостям работы с техникой звукозаписи, с различной аппаратурой радиосвязи и контроля эфира. Мне удалось постичь азы тайнописи, изготовления контейнеров, освоить сложные методы и системы поиска техники подслушивания, а потом применить полученные знания на практике в нескольких краткосрочных командировках, где я в резидентурах познакомился с моими коллегами, офицерами ОТ. Я часто вспоминаю моих старших товарищей с теплотой и благодарностью за их терпение, выдержку и уважение, с которым они обучали меня, совсем «зеленого», иногда задиристого лейтенанта, тонкостям и специфике работы в составе советских зарубежных миссий, умению взаимодействовать с разными категориями заграничников, от технического персонала до руководителей представительства. Эти первые боевые уроки очень помогли в дальнейшей самостоятельной работе, особенно когда я оказывался единственным «технарем», которому могли доверить решение деликатных проблем.

Следующий рассказ в этой книге о направлении в деятельности ОТ, которое считалось одним из наиболее сложных и требующих кропотливой и умелой работы. В XX веке оперативная микрофотография была активно используемым средством связи многих разведок мира, каждая из которых создавала свои собственные методики, и в последующих главах будет об этом рассказано.

Очерк II. Оперативная микрофотография

Глава 5. Письма-микроточки жене резидента

Легендарный полковник советской разведки Конон Трофимович Молодой, оперативный псевдоним «Бен», руководивший в 1950–1960 гг. нелегальной резидентурой КГБ в Англии, успешно добывал научно-техническую и военную информацию с помощью агентуры, действовавшей на одной из британских военно-морских баз.

Из архива Keith Melton Spy Museum

Кроме новейшего по тем временам радиопередатчика, для связи с Москвой в резидентуре Молодого активно применялась микрофотография. С ее помощью тексты с исходного документа формата А4 путем особого фотографического уменьшения размещались на крохотных чешуйках целлофана размерами около 1×1 мм. Такие микрописьма назывались «микроточками», и резидент «Бен» использовал их даже в личных целях для переписки со своей женой, которая находилась в Москве и одна воспитывала детей. Можно было понять беспокойство о своей семье отца, выполнявшего секретные задания далеко от Родины. «Бен» поддерживал жену личными письмами, отправляемыми в такой необычной форме тайными путями в Москву.

Связь с помощью микроточки в XX веке считалась одним из самых надежных и безопасных каналов передачи секретной информации. Действительно, спрятанные в самые разные бытовые предметы, такие, как открытки и обычные письма, книги и небольшие посылки, микроточки можно было уверенно отправлять по обычным каналам почтовой связи.

После Второй мировой войны все действующие и будущие сотрудники советской разведки, а нелегалы в первую очередь, должны были в обязательном порядке изучать все этапы изготовления микроточки, осваивать различные способы, как надежно спрятать микроточку в обычный бытовой предмет. Затем инструкторы давали задание найти спрятанную микроточку, аккуратно ее извлечь, проявить, высушить и прочитать.

Такой непростой экзамен сдавали и коллеги Конона Молодого по нелегальной разведке, среди них Рудольф Абель, организовавший в США сбор и передачу в Москву секретных технологий изготовления атомной бомбы. А на юге Италии успешно действовал под псевдонимом «Артем» Ашот Акопян, руководитель нелегальной резидентуры КГБ. Агенты «Артема» виртуозно опустошали секретные сейфы итальянских спецслужб и проводили много разных оперативных мероприятий, а сам резидент успешно закончил свою командировку и вместе со своей супругой, неизменной помощницей, вернулся в Москву.

В годы Второй мировой войны все методики разведывательной работы, как и аппаратура для оперативной микрофотографии, считались особой тайной спецслужб, которые тщательно оберегали эти технологии друг от друга. Однако практике создания и развития микрофотографии уже более 150 лет, и, если сравнивать различные на первый взгляд методики спецслужб, можно увидеть их сходство с процессом, разработанным в начале XX века Эммануилом Голдбергом.

Из архива Keith Melton Spy Museum

Но, в свою очередь, работы Голдберга базировались на изобретениях и трудах предшествующих ему ученых, энтузиастов фотографии и уникальных мастеров-умельцев, веками последовательно продвигавших искусство создания микроизображений, невидимых простым глазом и потому ставших столь привлекательными для тайной переписки и секретной связи, а также в качестве экспонатов и сувениров для развлечения публики в музеях, на выставках и ярмарках. Обратимся к истории возникновения микрофотографии и первых шагов ее оперативного использования.

Глава 6. Первые шаги микрофотографии как способа секретной связи

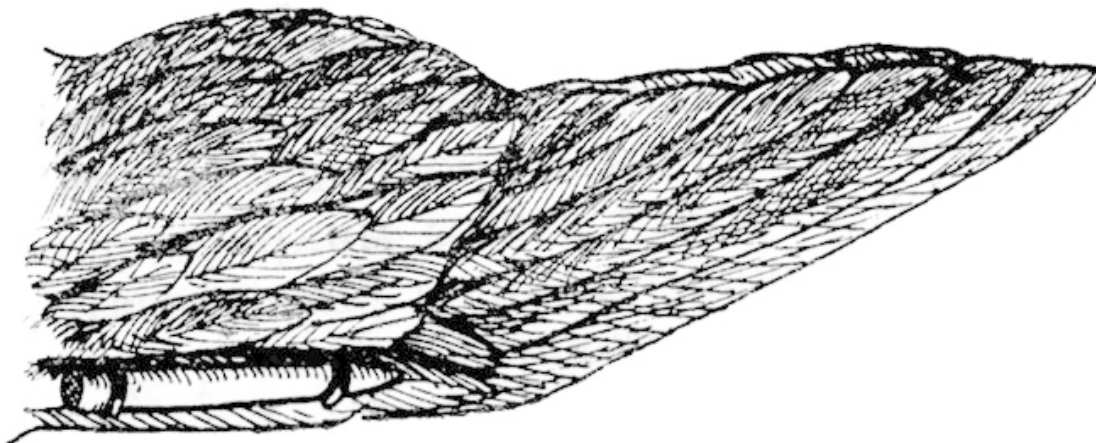
Историки считают пионером микрофотографии английского фотографа Джона Дэнсера. В 1839 г. именно он сделал первое микроизображение с помощью фотокамеры Дагера, используя объектив от микроскопа с фокусным расстоянием 38 мм. При этом Дэнсер добился уменьшения оригинала в 160 раз, а в 1856 г. ему удалось изготовить несколько микропортретов королевской семьи, которые были подарены королеве Виктории.

Создатели микрофотографии (из архива Keith Melton Spy Museum)

Рене Дагрон, французский изобретатель и энтузиаст фотографии, первым создал методику военного использования микрописем и эффективно ее использовал, когда войска Наполеона III потерпели поражение под Седаном и Париж был окружен объединенными германо-прусскими войсками. Все связи с внешним миром были прерваны, и в этой ситуации пригодились опыты Дагрона в микрофотографии. В ноябре 1870 г. Дагрон и его помощники развернули свою фотолабораторию и организовали изготовление микрописем для пересылки их в Париж с помощью голубиной почты.

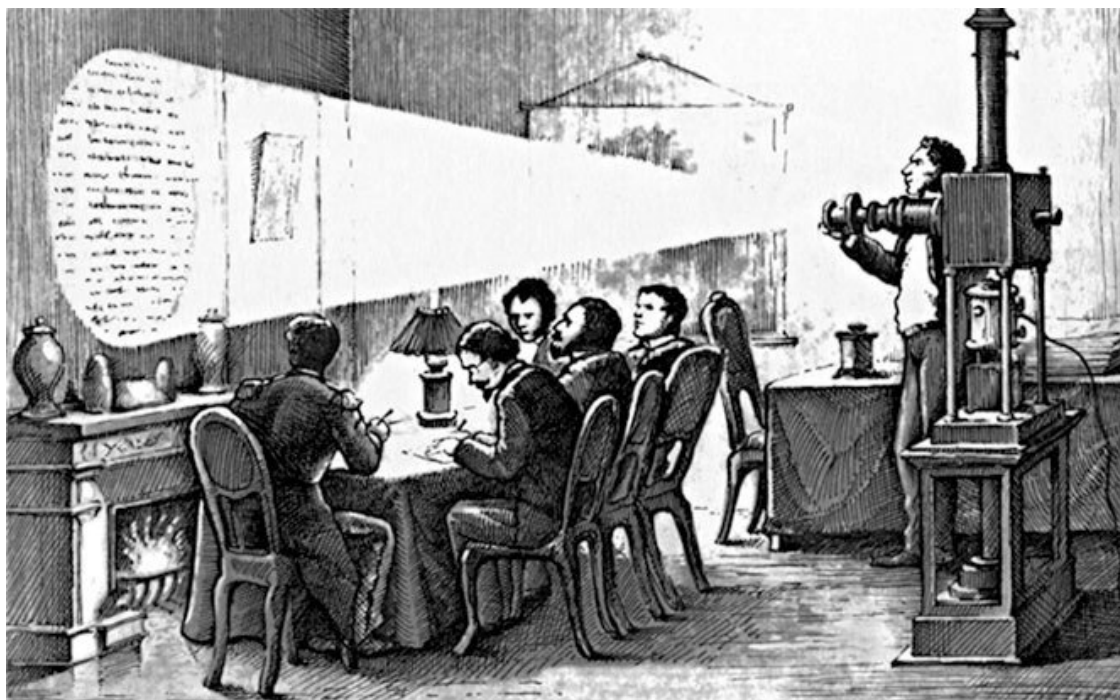
Письма и сообщения выполнялись на прозрачных листах, разделенных на 12 секций размером 80×110 мм. Они копировались по частям контактным способом на фотографические пластинки, которые после химической обработки повторно переснимались с большим уменьшением с помощью специальной репродукционной камеры с короткофокусными объективами. В результате получались микроизображения размером не более 1 мм. После обработки эмульсия с микроизображениями снималась со стеклянной пластины в ванне из касторового масла. Полученные микрописьма сушились, вырезались и закреплялись на кусочке пленки, который затем устанавливался в специальный голубиный контейнер. Известно, что один голубь мог нести от 36 до 54 тысяч сообщений, отснятых на 18 тончайших пленок.

Контейнер с микрописью для доставки голубиной почтой, 1870 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Полученная в Париже почта аккуратно вынималась из контейнера, пленки размачивались в растворе аммония, разматывались, сушились и устанавливались в стекла подобно современным слайдам. Затем в отдельном помещении с помощью дуговой лампы изображения проектировались на большой экран с увеличением в 1600 раз. С экрана эта почта вручную переписывалась и рассылалась по адресам осажденного Парижа. За 5 месяцев осады французской столицы Дагрон и его команда отправили в микрописях 470 листов оригиналов, содержащих 2,5 миллиона сообщений.

По мере развития технологий микрофотографии наиболее важным оказалось получение фотографических эмульсий с достаточной светочувствительностью и отсутствием зернистости. В экспериментах по созданию фотоэмульсий исследователи столкнулись с тем, что фотопроявление скрытого серебряного изображения не подходит для микрофотографии, поскольку классический процесс с химической обработкой солей серебра происходит при заметном увеличении зернистости фотослоя. А для получения микроизображений необходим другой фотопроект – потемнение светочувствительного слоя, непосредственно освещенного источником света. При таком экспонировании требуется хорошая оптика и точная юстировка.

Гравюра времен Франко-прусской войны, изображающая переписчиков голубиной почты (из архива Keith Melton Spy Museum)

Эти задачи решил Эммануил Голдберг, которого историки справедливо считают создателем современной микроточки. В 1925 г. на Международном фотографическом конгрессе в Париже Голдберг демонстрирует оригинальную установку для получения микроизображений и показывает широкой аудитории процесс изготовления специального фотослоя с высоким разрешением.

Размер изготовленного и показанного Голдбергом в Париже микрописьма был похож на обыкновенную точку в конце предложения. Отсюда и пошло название «микроточка» всех известных методов тайной связи, при котором текст формата А4 можно было разместить целиком на кусочке специальной фотопленки размерами 1×1 мм и даже меньше. В XX веке специалисты по микрофотографии часто называли такое сообщение «микрограммой». Эти работы Голдберга в дальнейшем и явились основой для создания многих методик изготовления микроточек и конструирования специальной аппаратуры для оперативной микрофотографии.

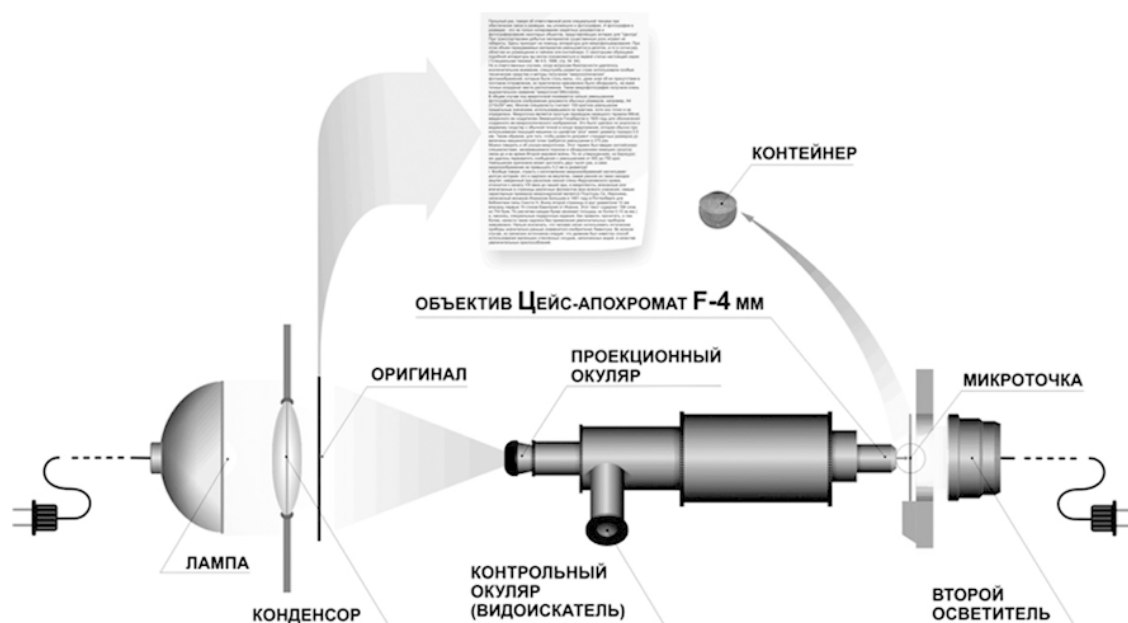

Схема установки Голдберга для получения микроточки, 1925 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 7. Микрофотография в годы Второй мировой войны

Размеры микроточки, возможность удаления видимого изображения («отбеливание микроточки» на жаргоне спецслужб) и безграничные варианты спрятать крохотную прозрачную чешуйку пленку для пересылки или хранения сделали этот метод одним из самых массовых среди технологий тайной связи. Надо сказать, что микроточку можно изготовить и с гораздо меньшими размерами, чем 1×1 мм. Но специалисты оперативно-технических служб справедливо полагали, что многие агенты, не имеющие достаточной профессиональной подготовки, не смогут надежно и уверенно работать со столь крохотными предметами. И потому наиболее используемым размером для микроточки стал считаться 1 кв. мм.

В предвоенный период наиболее активно методики оперативной микрофотографии разрабатывались в Германии. В одном из документов военной разведки указывалось, что в Отделе «1G» Абвера в 1938 г. уже была поставлена задача изготовления микрофотоизображений с целью передачи секретных сообщений. К этой работе были привлечены специалисты фирмы «Agfa», которые разработали фотопластинки высокого разрешения «Agfa-Mikrat-Platten». Другая известная немецкая компания «Zeiss-Ikon» выпустила портативную репродукционную фотокамеру для получения микрофильмов с оригиналов формата А-4; при этом размер изображения на пленке шириной 4 мм составлял всего 2 мм.

Независимо от Абвера созданием методик оперативной микрофотографии занимался отдел «6F» Главного управления имперской безопасности, где работал профессор Хельмут Фризер. После окончания войны Фризера доставили в СССР, где он 10 лет трудился в одном из закрытых НИИ КГБ, занимаясь проблемами микрофотографии.

Однако Германия не долго оставалась лидером в оперативной микрофотографии, поскольку британским спецслужбам с помощью агентов-двойников удалось узнать о новом способе связи и разработать свои методики изготовления микроточки в период Второй мировой войны. Британцы строго хранили свои секреты, однако они не подозревали, что знаменитый разведчик XX века Ким Филби, занимавший высокий пост в британских спецслужбах, конечно же, передал СССР все новейшие британские секреты микрофотографии и тем самым существенно помог советским ученым и конструкторам усовершенствовать собственные методики и создать специальные приборы для изготовления и чтения микроточек.

Активное использование микрофотографии и тайнописи немецкими спецслужбами заставило британскую контрразведку МИ-5 предпринять меры противодействия, для чего англичане организовали резидентуру на Бермудских островах, где во время войны размещалась промежуточная база транспортного авиапотока между Америкой и Европой. Главной задачей этой британской резидентуры был контроль, досмотр и перлюстрация всей корреспонденции. Пока шла дозаправка самолетов и отдых экипажей, англичане в темпе обследовали почту и багаж. Наиболее искусными мастерами перлюстрации были девушки – сотрудницы британской контрразведки. В то время командировка на Бермуды считалась весьма престижной, но работать им приходилось с 200-кратными микроскопами, исследуя все подозрительные точки и кляксы во вскрытых конвертах.

На первых порах поиски микроточек оказались неэффективными, и контрразведка МИ-5 решила на сотрудничество с ФБР. Для этого пришлось передать американцам секретные сведения о микроточке как средстве связи немецких агентов и способах ее изготовления. В свою очередь ФБР информировало англичан о подозрительных абонентах и корреспондентах, чью почту необходимо было взять под контроль в первую очередь. При этом британские офицеры предупредили американцев о соблюдении режима конфиденциально-

сти, чтобы не раскрыть источник информации и чтобы немцы не догадались, что их секрет обнаружен.

Когда в 1941 г. шефу американской контрразведки ФБР показали через микроскоп немецкую микроточку, Эдгар Гувер был настолько потрясен, что сразу уведомил президента США, а затем и американскую прессу об успехе своей контрразведки, обнаружившей новый секретный способ вражеской связи. Однако историки спецслужб по-другому оценили поступок Гувера, поскольку президенту Рузвельту почему-то не сказали о содержании микропрограммы, в которой большинство вопросов немецкому агенту касались обороны военно-морской базы США в Пёрл-Харбор, впоследствии подвергшейся внезапной массовой атаке японских ВВС.

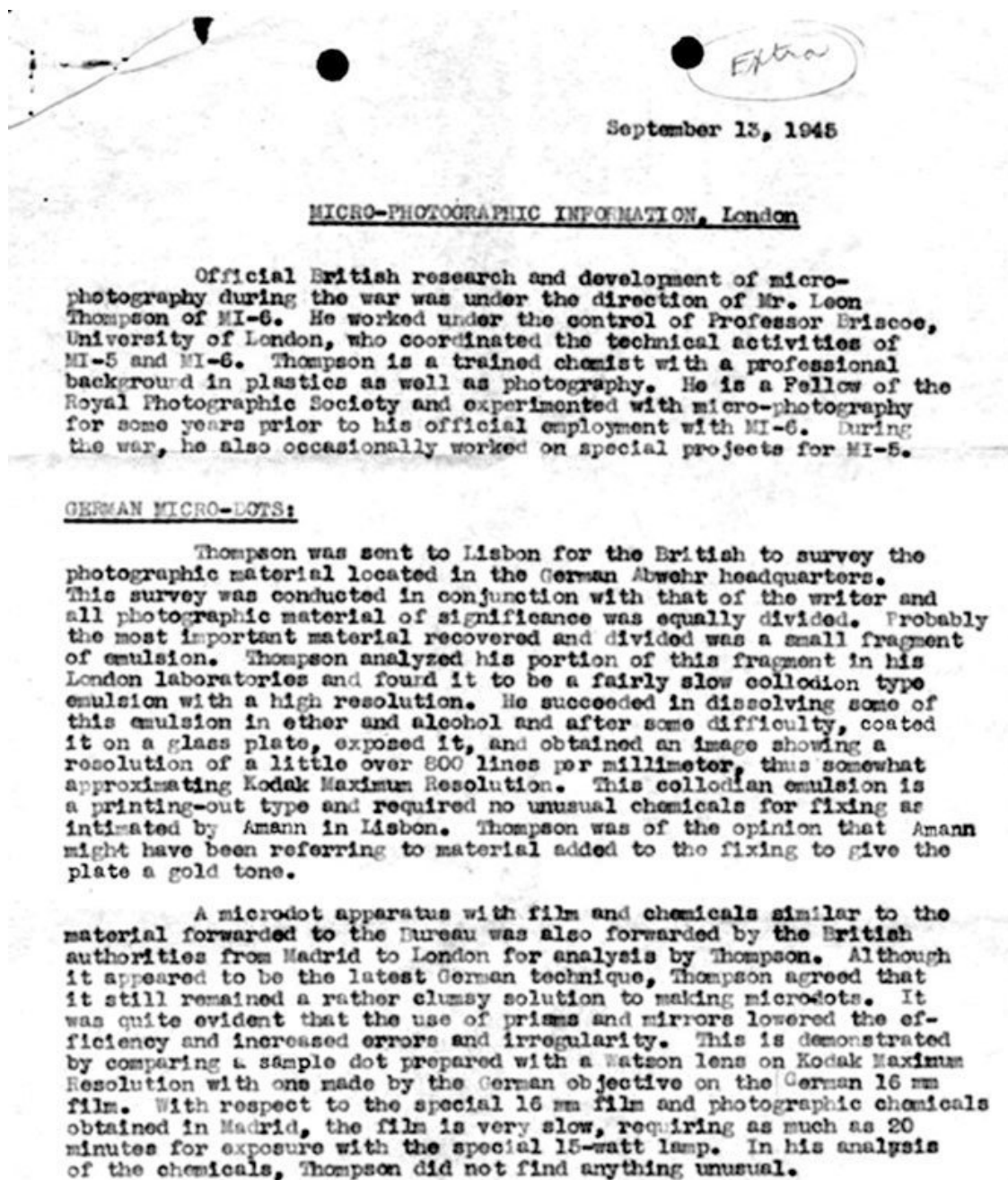
В 1945 г., в самом конце войны, португальская полиция блокировала немецкое посольство в Лиссабоне и арестовало всё оперативно-техническое оборудование абверовской резидентуры, самой активной на Пиренеях. Американские спецслужбы проявили к этому большой интерес, поскольку планировали создать свою службу перлюстрации и поиска микроточек, справедливо полагая, что немецкие агенты, оставленные в США, будут пользоваться микроточками в качестве секретной связи. США дали команду своему техническому специалисту оценить захваченную в Португалии немецкую спецтехнику, которую, как оказалось, уже «потрогал» своими руками британский ученый Леон Томпсон, работавший во время войны, как и многие его коллеги, на разведку МИ-6 и консультировавший контрразведку МИ-5.

Специальная техника резидентуры Абвера в Лиссабоне, арестованная португальской полицией в 1945 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

В годы войны Леон Томпсон руководил исследованиями в МИ-6 по микрофотографии под началом профессора Лондонского университета Бриско, координировавшего техниче-

скую деятельность МИ-5 и МИ-6. И потому Томпсон был признанным авторитетом по микрофотографии и методикам изготовления микроточек.

Отчет сотрудника американских спецслужб о консультациях с британским ученым Томпсоном, 1945 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

В сентябре 1945 г. в своём отчете сотрудник американских спецслужб подробно изложил мнение британского специалиста об уровне оперативной техники Абвера. Он писал, что Томпсон самым тщательным образом ознакомился со всей немецкой оперативной техникой в Лиссабоне. Особое внимание Томпсон обратил на маленький фрагмент фотоэмульсии, валявшийся среди груды немецкой специальной радио- и фототехники. Возвратившись в Лондон, Томпсон внимательно его исследовал, испытал и даже сделал сам немецкую микроточку, а потом пришел к выводу, который полностью подтвердил имевшиеся ранее опера-

тивные данные МИ-6 об активном использовании немецкой разведкой специальных фотоматериалов с высоким разрешением для изготовления микроточек.

Американскому сотруднику удалось разговорить Томпсона, который подробно рассказал о всех тонкостях немецкой технологии изготовления микроточек, конечно же, не имевшей, по словам Томпсона, каких-либо существенных преимуществ перед британскими методами. Затем Томпсон подробно описал два метода разведки МИ-6 для изготовления микроточек, разработанных для секретной связи с агентурой во время войны, которые использовались группами движения Сопротивления в Норвегии и Франции. Партизаны действовали при поддержке британской разведки на оккупированных немцами территориях, куда Томпсон, по его словам, нелегально забрасывался для обучения основам новой секретной связи, за что и получил высокую награду от правительства Норвегии.

По словам Томпсона, основу британских секретных технологий микрофотографии составляли специальные фотоматериалы с максимальным фоторазрешением «Kodak-MR» знаменитой фирмы «Eastman Kodak», которая по особому секретному распоряжению правительства её величества не поставляла эти фотоматериалы в открытую продажу, а снабжала ими только британские спецслужбы. В то время фирма «Kodak» специально для МИ-6 разработала особую секретную пленку «Kodalith» со снимающимся в горячей воде фотослоем, которую после войны стали повсеместно использовать все разведки мира, назвав её «мягкой пленкой» (Soft Film). Справедливости ради надо сказать, что немцы уже сами наладили производство аналогичной фотопленки с высоким фоторазрешением на фирме «Agfa-Gevaert» с показателями не хуже, чем у «Kodak», и, вероятнее всего, Томпсон обнаружил в Лиссабоне и затем тестировал в Лондоне именно такую немецкую фотопленку, которая, конечно же, имела сходные параметры, поскольку разрабатывалась также для микрофотографии.

Во время беседы дотошный американец утомил Томпсона своими вопросами, и, когда речь зашла о русских микроточках, англичанин весьма неохотно ответил, что «русские знают об этом методе, но их микроточки пока невысокого качества...» Со своей стороны можно добавить, что в разоренной войной стране, конечно же, не было возможности создавать высокоточную оптику и специальные пленки для микрофотографии.

Глава 8. Микрофотография в послевоенный период

В послевоенный период оперативная микрофотография начала широко применяться в практике деятельности многих спецслужб. Это стало возможным в результате активных научно-исследовательских работ многих зарубежных и отечественных лабораторий, которые создавали достаточно простые и понятные методики изготовления микрограмм. При этом ученые и конструкторы руководствовались требованиями максимально упростить методики изготовления фотослоев с высоким разрешением с тем, чтобы процесс копирования (печатания) микроточки можно было реализовать в бытовых условиях.

И действительно, в 1950-е гг. светочувствительные слои с высоким разрешением можно было достаточно легко изготовить на фотопластинках и целлофане, а химические реактивы для их изготовления свободно продавались в аптеках и магазинах бытовой химии. В это же время появились методики использования любительской фотоаппаратуры с высококачественной оптикой для изготовления и чтения микрограмм. Специальные службы активно оснащали своих агентов миниатюрными лупами и специальными микроскопами для чтения микроточек. Все это позволило шире внедрять микрофотографию в практическую оперативную деятельность.

Среди многообразия методов связи и обмена информацией в послевоенный период специальные службы особо выделяли микрофотографию, имевшую весьма выгодные качества. Главным была высокая конфиденциальность как следствие большой сложности обнаружения небольшой чешуйки прозрачной пленки при отсутствии точных данных о ее местонахождении. Число возможных способов сокрытия микрограммы было бесконечно велико, поэтому не возникало затруднения в выборе для каждого агента своих особенностей работы с микроточкой и вариантов ее пересылки.

В то время считалось, что правильно и качественно, без следов клея и повреждений носителя (открытки, конверта, книги, буклета и др.) спрятанные микрограммы практически неуязвимы как для опытного сотрудника службы перлюстрации, так и для лабораторного анализа. Даже когда контрразведке становилось известно о применении микрофотографии, обнаружить микроточку считалось невозможным или крайне затруднительным.

Микрограмма обладала высокой степенью надежности вследствие устойчивости к различным химическим и механическим воздействиям. При этом опасность повреждения микрограммы или ее уничтожения в процессе пересылки практически была исключена.

В отличие от других средств связи, микрограмма обладала документальностью, которая позволяла передать не только смысл сообщения, но и подлинный графический вид документа. Так, например, с помощью микроточки можно было переслать подлинники документов и текстов, чертежи, фотографии, портреты, планы и т. п.

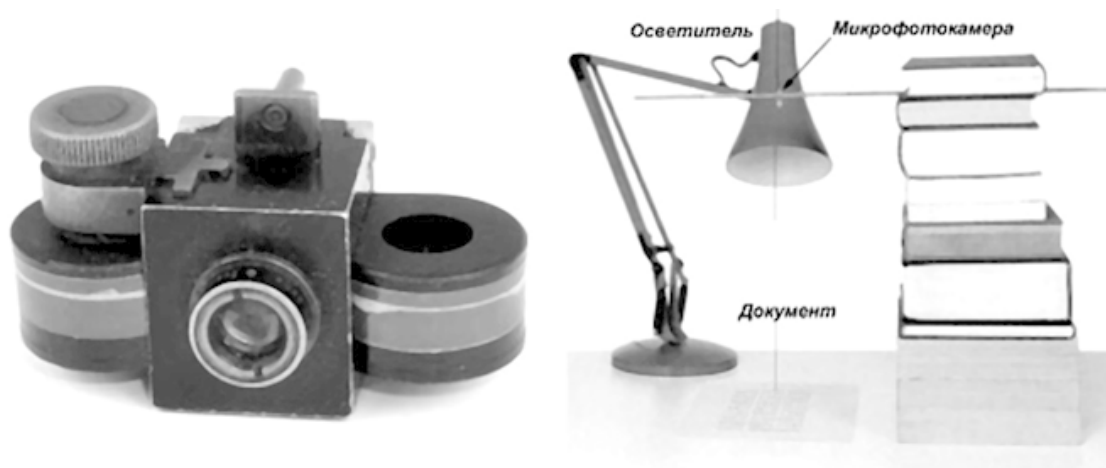
В то же время активное использование микроточек сдерживалось довольно сложной процедурой изготовления светочувствительного слоя с высоким фоторазрешением. Изобретенный перед войной целлофан обратил на себя внимание своей прочностью и способностью впитывать химические растворы, не меняя собственных оптических параметров. Специальные службы стран Варшавского договора сразу взяли «на вооружение» целлофан, который как будто был специально создан для микрофотографии, поскольку фотоизображение формируется внутри целлофана, а его поверхностный слой надежно защищает микрограмму от царапин и воздействия кислот.

Для чтения микроточки часто использовались любительские микроскопы, а позднее – специально изготовленные малогабаритные оптические приспособления, которые надо было хранить в тайниках или контейнерах.

Глава 9. Методы из готовления микроточки 1945–1950 гг.

В 1950-е гг. специальные службы уже имели большой практический опыт разработки и применения различных методов и средств оперативной микрофотографии. В этот период были протестированы самые разные материалы и химические соединения для изготовления светочувствительных слоев, а также опробованы оптические приспособления, микроскопы и бытовые, имеющиеся в свободной продаже фотоаппараты.

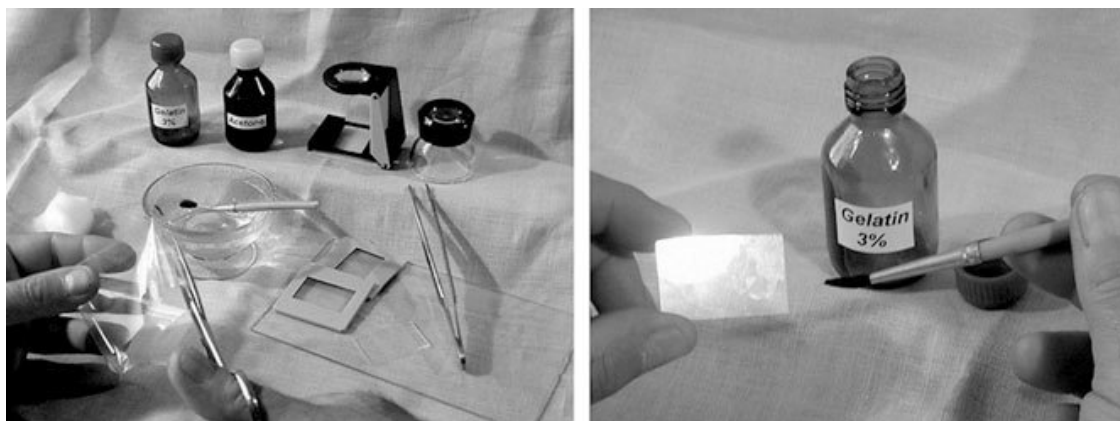
Чтобы облегчить деятельность своих агентов, спецслужбы стали проектировать и создавать малогабаритные фотокамеры и специальные объективы, с помощью которых можно было копировать (термин спецслужб) микрограммы, а затем удобно их читать. Так, например, разведка МГБ ГДР оснащала своих оперативных офицеров и агентуру уникальными микрофотокамерами серии «Уранус». К ним относится аппарат «Уранус-2», размеры которого позволяли хранить его в спичечной коробке. Этой микрокамерой можно было непосредственно фотографировать оригинал текста микрограммы на специальную фото-пленку с высоким разрешением, устанавливаемую в стандартную кассету «Минокс». Этот редкий, а всего было изготовлено 5 комплектов, фотоаппарат был оснащен особым объективом «Цейс» с высокими оптическими параметрами.

Микрофотокамера «Уранус-2» и схема фотографирования микроточки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для изготовления светочувствительного слоя требовались определенные навыки, точность выполнения всех действий и аккуратность работы с химическими реактивами. Приведем пример наиболее простого способа изготовления светочувствительного слоя с помощью бытового целлофана от обычной сигаретной пачки или упаковки пищевых продуктов (методика спецслужб стран Варшавского договора начала 1950-х гг.).

Для удобного применения вырезался кусочек целлофана размерами чуть меньше стеклянной пластинки, которой пользуются в медицинских и лабораторных целях. Целлофан предварительно размачивался в чистой воде, затем наклеивался на стеклянную пластинку с помощью желатинового клея и высушивался.

Подготовка целлофана и наклеивание на стеклянную пластинку (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для создания фоточувствительного слоя стеклянная пластинка с целлофаном протиралась несколько секунд тампоном, смоченным в растворе нитрата серебра. Далее целлофан таким же образом обрабатывался бромидом калия и затем вторично нитратом серебра.

Создание фоточувствительного слоя (из архива Keith Melton Spy Museum)

После обработки всеми химикатами целлофан высушивался и мог храниться несколько лет в сухом и темном месте. Непосредственно перед изготовлением микроточки проводилось «очувствление» целлофана – повышение чувствительности фотослоя путем его обработки обычной водкой, в которой растворялась таблетка пирамидона, всемирно известного медикамента от головной боли.

Наиболее оптимальным в XX веке считался процесс фотографирования микроточки с применением промежуточного негатива, впервые показанный Голдбергом в 1925 г. в Париже. Схема Голдберга могла быть реализована в домашних условиях, что было весьма важным в деятельности офицеров и агентов спецслужб. Как пишут историки микрофотографии, впервые промежуточный негатив в оперативной практике стали активно применять английские специалисты во время Второй мировой войны для ускорения времени экспонирования и уменьшения мощности осветительной лампы. Если требовалась микроточка с текстом, то оригинал сообщения печатали на пишущей машинке заглавными буквами и с увеличенным интервалом. Иногда текст писался от руки черной тушью с помощью толстого чертежного пера или толстым фломастером.

Если не делать промежуточный негатив, а фотографировать лист размером А4 прямо через объектив фотоаппарата на целлофан, то размеры такой «фотоустановки» достигали порядка нескольких метров, а время экспонирования измерялось часами. Почему? Все фоточувствительные слои, в том числе и целлофан, используемые для изготовления микроточки,

должны иметь разрешение не ниже 500–700 линий / мм. Такими свойствами обладают фотоматериалы с очень низкой чувствительностью из-за мелкозернистой структуры фотослоя. Поэтому Голдберг догадался использовать промежуточный негатив, который с помощью своей установки, дважды с помощью лупы и объектива фокусировал изображение в крохотную точку с очень большой степенью яркости, что значительно сокращало время фотографирования микроточки. Пионеры микрофотографии брали даже дуговые лампы огромной яркости, чтобы на слабочувствительных материалах получать контрастное изображения микроточки.

Наглядным примером «прямого», без промежуточного негатива, способа копирования микроточки может служить методика одной из европейских спецслужб. Для оснащения своих агентов был изготовлен специальный микрообъектив и тайниковый контейнер «настольная зажигалка» для его хранения.

Специальный объектив в контейнере «настольная зажигалка» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Такой объектив применялся для фотографирования микроточки в домашних условиях. Для подготовки «установки» копирования микроточки необходимо было использовать бытовые предметы: стол, электролампу, книги, держатель для бумаги. Предварительно оригинальный текст микрограммы надо было написать крупными буквами черной тушью или фломастером на белом листе бумаги. Затем кусочек светочувствительной пленки помещался в углубление деревянной основы зажигалки и закрывался объективом. Далее на письменном столе длиной до трех метров собиралась конструкция, показанная на рис. 9–5.

Такой метод копирования микроточки требовал довольно громоздкой конструкции и предварительной юстировки объектива относительно оригинала текста микрограммы. Время экспонирования определялось моментами включения и выключения электролампы. При этом были крайне нежелательны хождения по комнате, закрывание холодильника или дверей, что могло вызвать вибрации, существенно снижавшие резкость изображения микроточки. Особенно опасными были старые лифты, проходящие рядом трамваи и ведущиеся недалеко строительные работы, в связи с чем разведчики и агенты предпочитали работать с микроточкой по ночам, как это показано в шпионских кинофильмах. Однако такая

громоздкая схема копирования микроточки могла быть реализована с помощью обычных бытовых предметов, что считалось существенным преимуществом. А специальный объектив надежно прятался в действующем контейнере «зажигалка».

«Прямое» фотографирование микроточки с помощью специального объектива (из архива Keith Melton Spy Museum)

Более удобными в применение был метод копирования микроточки с использованием промежуточного негатива (метод Голдберга). Вначале оригинал микрограммы печатали крупным шрифтом на машинке или писали от руки фломастером. Затем оригинал фотографировался на контрастную 35 мм фотопленку и проявлялся таким образом, чтобы фон был максимально темным, а текст прозрачным.

Схема копирования микроточки с помощью специального объектива и промежуточного негатива (из архива Keith Melton Spy Museum)

Примером является схема копирования микроточки с помощью специального объектива, фокусное расстояние которого было рассчитано для установки на поверхность стеклянной пластинки со светочувствительным слоем.

Время копирования подбиралось экспериментально путем перемещения объектива по стеклянной пластинке с изменением продолжительности включения электролампы. Затем на пластинке со слоем выбиралась микроточка с максимально контрастным текстом и при этом отмечалось время экспозиции.

При отсутствии специального объектива, который был, конечно, предметом-«уликой», можно было использовать наиболее популярные в Европе бытовые фотоаппараты, такие, как, «Лейка», «Экзакта», «Контактс», «Ретина», «Практика» и другие, имевшие ручной режим «Т» работы затвора. Перед копированием микроточки снималась задняя крышка фотоаппарата; сам он устанавливался открытым фильмовым каналом на стеклянную пластинку со светочувствительным слоем. Предварительно выдержка фотокамеры устанавливалась в положение «Т», нажималась кнопка спуска, и затвор открывался. Экспозиция задавалась временем включения электролампы и подбиралась опытным путем, как и в схеме со специальным объективом.

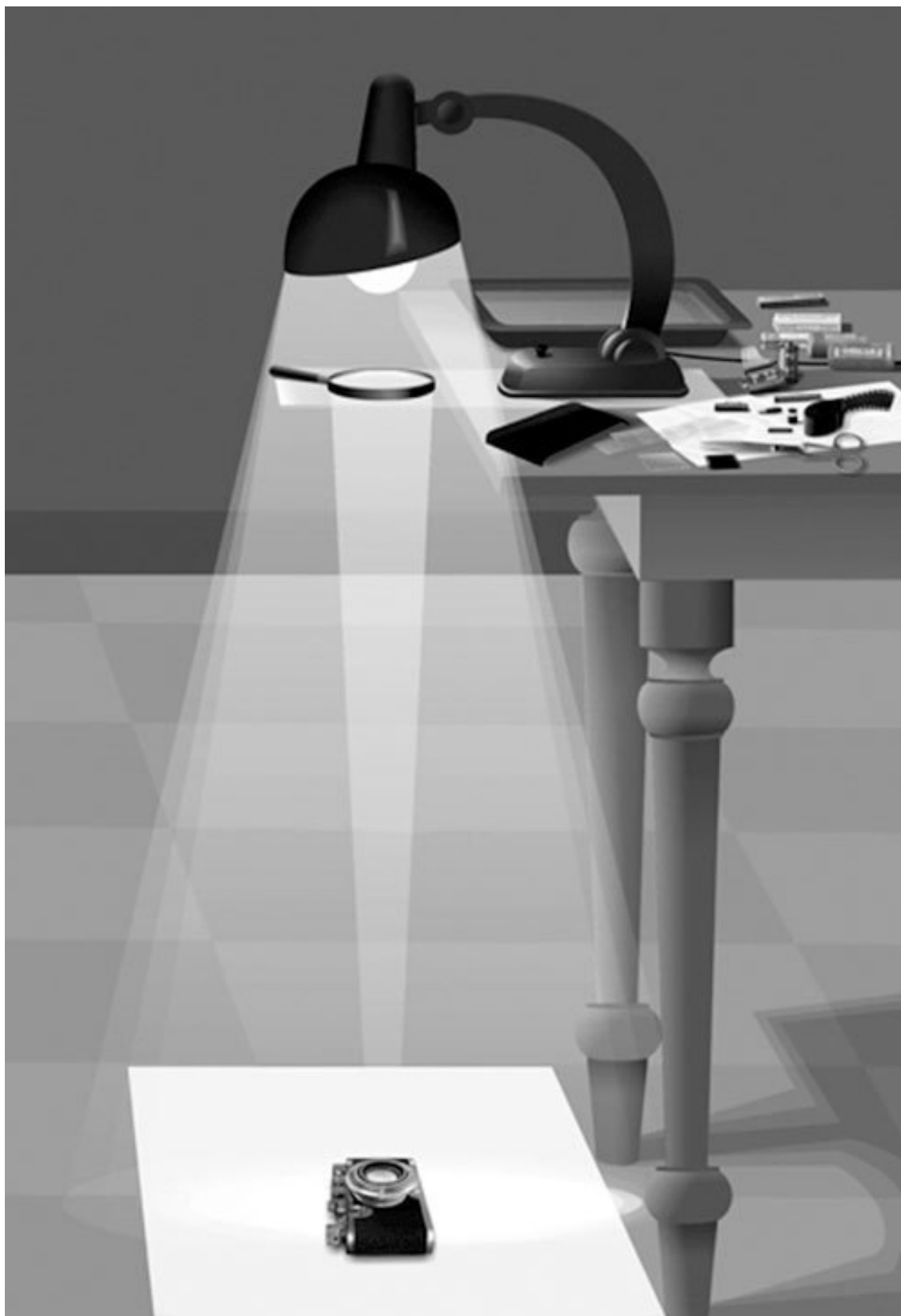

Схема копирования микроточки с промежуточным негативом с помощью фотокамеры со снятой задней крышкой (из архива Keith Melton Spy Museum)

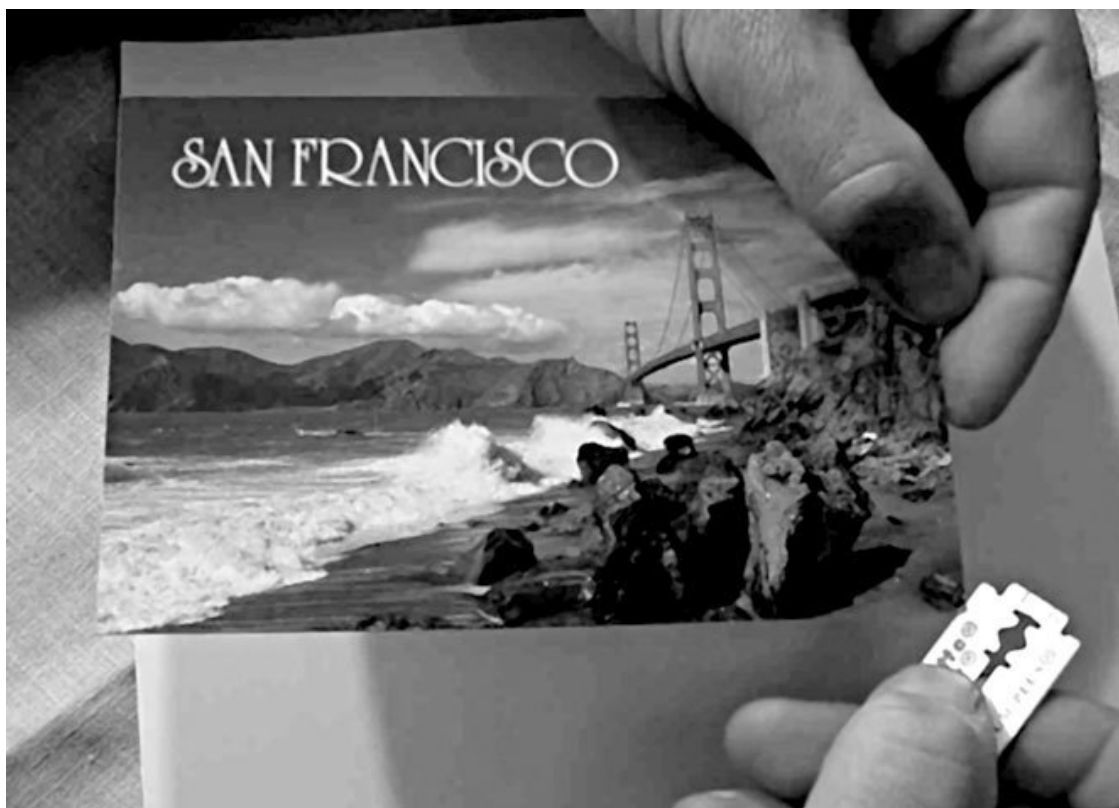
Обе схемы с объективом и фотокамерой требовали предварительной настройки с помощью небольшого отвеса, а затем более точно по яркому световому пятну на центральной части объектива от включенной лампы с прозрачной стеклянной колбой.

После фотографирования целлофан с микроточкой закреплялся в растворе стандартного фотоакрепителя и промывался в проточной воде для отклеивания от стекла и удаления желатинового клея с поверхности целлофана.

Затем начиналась довольно кропотливая процедура: вырезание микроточки с помощью кусочка бритвы с острым краем. Для этого целлофан располагался на листе белой бумаги, и микроточка обрезалась с трех сторон; затем специально заточенной спичкой микроточка прижималась к бумаге, и производилось ее обрезание с четвертой стороны. Если не использовать спичку, микроточка, не прижатая после обрезки с четвертой стороны, могла подпрыгнуть и упасть в неконтролируемое место, что могло привести к долгим поискам микроточки или даже к её потере.

Перед тем как спрятать микроточку в бытовой предмет, в открытку или конверт, производилось обесцвечивание ее изображения в слабом йодном растворе. Проще всего было спрятать прозрачную микроточку в надрезанный край открытки или конверта, который затем тщательно заклеивался и проверялся на отсутствие вздутий, следов клея и просто грязи с тем, чтобы службы перлюстрации не обратили бы свое пристальное внимание на подозрительные места.

После получения открытки, письма или посылки агент начинал искать микроточки поточным координатам, которые он заранее получал по другим каналам связи. Обнаружив место с микроточкой, агент аккуратно вырезал его вместе с частью конверта или открытки и помещал весь вырезанный кусок в фотопроявитель. В проявителе клей растворялся, микроточка отделялась от лишних частей бумаги или картона, и на ней начинал появляться текст, рисунок или схема.

Надрезание края открытки для установки микроточки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Отдохнув и набравшись сил после всех этих долгих и нервных процедур, агент начал читать микроточку с помощью микроскопа или специального приспособления, которые давали ему возможность узнать, например, что «... Центр поздравляет тов.... с днем рождения, передает привет от родных и близких и желает ему здоровья и успехов в его весьма важной для Родины работе».

Глава 10. Аппаратура для изготовления и чтения микроточки

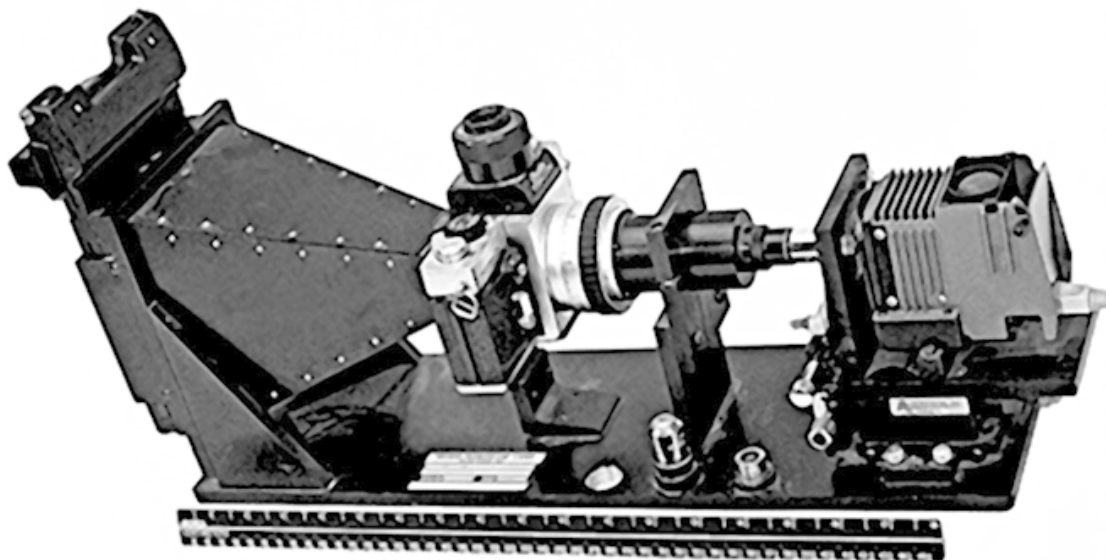
Во второй половине XX века резко активизировалось применение оперативной микрофотографии как наиболее надежного и безопасного средства секретной связи. В связи с этим существенно увеличилась потребность в быстром и качественном изготовлении микрограмм в центральных аппаратах спецслужб стран Варшавского блока и в крупных официальных представительствах за рубежом. Перед ОТУ КГБ была поставлена задача создания эффективной фотооптической системы для копирования микроточек в стационарных условиях. Одной из самых удачных разработок КГБ явился аппарат «Багульник», созданный в конце 1960-х гг.

Прибор «Багульник» для фотографирования микроточек в стационарных условиях (из книги Кита Мелтона «Ultimate Spy», 2002, page 153)

В этом аппарате заранее приготовленный промежуточный негатив проектировался на стеклянную пластинку с целлофаном. Микроскоп «Багульника» позволял визуально контролировать качество получаемой микроточки и подбирать наиболее оптимальное время экспозиции. Прибор имел массивное основание, что обеспечивало устойчивость изготовления микроточки в условиях вибраций. Блок осветителя подключался к источнику электропита-

ния 220/12 вольт. По свидетельству фотоспециалистов стран Варшавского блока, «Багульник» считался лучшим прибором для быстрого и качественного изготовления микроточек.

Созданный в ЦРУ прибор для фотографирования микроточек (из архива Keith Melton Spy Museum)

Следует отметить стационарный прибор ЦРУ для копирования микроточек, который был создан на 15 лет позднее, чем советский «Багульник». В конструкции этого американского прибора была практически реализована схема копирования микроточки Голдбергом. По мнению многих фотоспециалистов Востока и Запада, «Багульник» был существенно более удобным аппаратом, поскольку его внешний вид, конструкция и приемы использования имели явное сходство с классическими фотоувеличителями, что позволяло специалистам быстро освоить «Багульник» для стабильного получения качественных микрограмм.

Для чтения микроточек применялись небольшие любительские или детские микроскопы, если деятельность агента позволяла легально, не вызывая вопросов у друзей и соседей, использовать и хранить такого рода оптические приборы дома. В других случаях можно было пользоваться специальными малогабаритными микроскопами.

Специальный малогабаритный микроскоп для чтения микроточек, МГБ ГДР (из архива Detlev Vreisleben Collection)

В начале 1950-х гг. спецслужбы практиковали использование объектива «Пуля», изобретенного еще в XIX веке и известного как объектив Стэнхоупа. Этот крошечный объектив из тонкого стеклянного стержня диаметром 3 мм и длиной 6,8 мм, немногим толще грифеля карандаша имел с одной стороны сферическую поверхность и плоскую полированную часть с другой. Микроточка увлажнялась слюной для приклеивания на плоскую сторону объектива, и пользователь размещал выпуклую часть объектива перед глазом, наводя его на окно или лампу. Объектив «Пуля» способен был увеличить микроточку более чем в 30 раз, что было достаточно для чтения микрограммы.

Малые размеры «Пули» давали возможность прятать этот крохотный и прозрачный объектив в самые разные бытовые предметы, например, в сигарету или пузырек с чернилами. Однако последующая оперативная практика применения «Пули» показала, что столь малые размеры этого объектива требовали сложных навыков использования и хранения, и это сделало его непопулярным у агентов.

Объектив «Пуля» в сравнении с монетой в один цент США (из архива Keith Melton Spy Museum)

Длительное и многоплановое оперативное применение микроточки показало наряду с преимуществами и недостатки этого метода микрофотографии, на что ссылались в основном агенты и оперативные офицеры:

1) при изготовлении и упаковке микроточки необходимо быть предельно внимательным и затратить достаточно много времени;

1) микроточки нередко так хорошо прятались, что агенты с трудом находили их в письмах или документах;

1) микроточки требовали применения специальной оптики с большим увеличением, чтобы сделать сообщение разборчивым;

1) микроточки использовались в основном для односторонней связи от оперативного офицера к агенту, поскольку агенты, как правило, не имели навыков в микрофотографии, а для обучения методам изготовления микроточек требовались тщательная подготовка и многократная тренировка;

5) для изготовления микроточки часто было необходимо специальное фотооборудование, которое при обнаружении у агента могло сразу вызвать подозрение.

В заключение надо сказать, что в XX веке оперативная микрофотография активно использовалась многими спецслужбами Востока и Запада, которые стремились оснастить свои кадры надежным и конспиративным средством связи. Однако появление цифровых фототехнологий, активное применение бытовой компьютерной техники и широкие возможности всемирной Интернет-сети предоставили спецслужбам гораздо большие возможности для связи. Поэтому в XXI веке микрофотография исчезает из оперативной практики, однако продолжает оставаться средством создания микроизображений в приборостроении, например, для нанесения тончайших сеток и визирных линий на оптические части устройств.

Очерк III. Как появился первый советский специальный фотоаппарат «Аякс»

Глава 11. Фотокамеры МГБ для негласной съемки

В довоенный и военный периоды советская фотопромышленность не выпускала каких-либо специальных фотоаппаратов, полностью пригодных для ведения негласной фотосъемки. В связи с этим оперативные сотрудники органов государственной безопасности и внутренних дел использовали все доступные модели фототехники тех времен, выпускаемые двумя крупными предприятиями: Ленинградским государственным оптико-механическим заводом им. ОГПУ (ГОМЗ) и Заводом им. Дзержинского в Харькове. Перед войной это были фотоаппараты «ФЭД», «Фотокор-1», зеркальная камера «Спорт» и др.

В 1929 г. в Красногорске начал работать небольшой оптико-механический завод, занимавшийся выпуском микроскопов и оптических стекол для медицинских учреждений. Впоследствии именно на красногорском заводе будет организован специальный цех для изготовления фотоаппаратуры и оптических систем для потребностей спецслужб.

В 1940 г. в Главном управлении государственной безопасности СССР уже активно действовал 3-й спецотдел оперативной техники, в составе которого трудились несколько высококлассных фотоспециалистов. Среди них был и знаменитый впоследствии разведчик-нелегал Рудольф Абель (Фишер), который считался отличным фотографом и радиоспециалистом. Так, например, в 1944 г. Абель участвовал в радиоигре с Абвером, проводимой специальным подразделением госбезопасности в прифронтовой полосе с целью заставить поверить немецкое командование в боевые действия в нашем тылу большой и организованной группы отступающих немецких войск.

В послевоенный период сотрудники госбезопасности активно применяли модифицированные фотоаппараты «ФЭД» довоенного производства, имевшие наилучшие показатели надежности в сочетании с высокими оптическими и фотохарактеристиками. Однако для целей негласной фотосъемки необходимо было использовать аппарат с предварительным пружинным взводом, который позволял после спуска кнопки затвора автоматически перематывать пленку на один кадр и взводить затвор. Именно такая конструкция фотоаппарата давала оперативному сотруднику возможность делать снимки многократно и фиксировать максимальное количество действий объекта.

Немецкая фотокамера «ROBOT STAR 50» и камуфляж «пуговица», 1940 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Немецкая промышленность в годы Второй мировой войны выпускала такую фототехнику для аэрофотосъемки, а также для полиции и контрразведки. Это был известный в то время фотоаппарат «Robot Star 50», который имел пружинный механизм взвода для съемки на стандартную 35 мм фотопленку. Его возможности активно использовали ведущие спецслужбы мира.

В конце войны советские инженеры сконструировали для фотоаппарата «ФЭД» специальный дополнительный механизм пружинного взвода, названного в КГБ «фрикцион», который обеспечивал съемку 5 – 7 кадров в автоматическом режиме. На такой «ФЭД» устанавливался широкоугольный объектив 1: 4,5 / 28 мм или кинообъектив 1:2/ 35 мм типа «РО-4», как тогда его называли. Для камуфлирования модифицированного «ФЭДа» использовались мужские и женские пальто, плащи и куртки со специальными карманами, внутри которых устанавливалась рамка-крепление для фотоаппарата. В качестве камуфляжей также применялись небольшие спортивные чемоданчики и дамские сумочки.

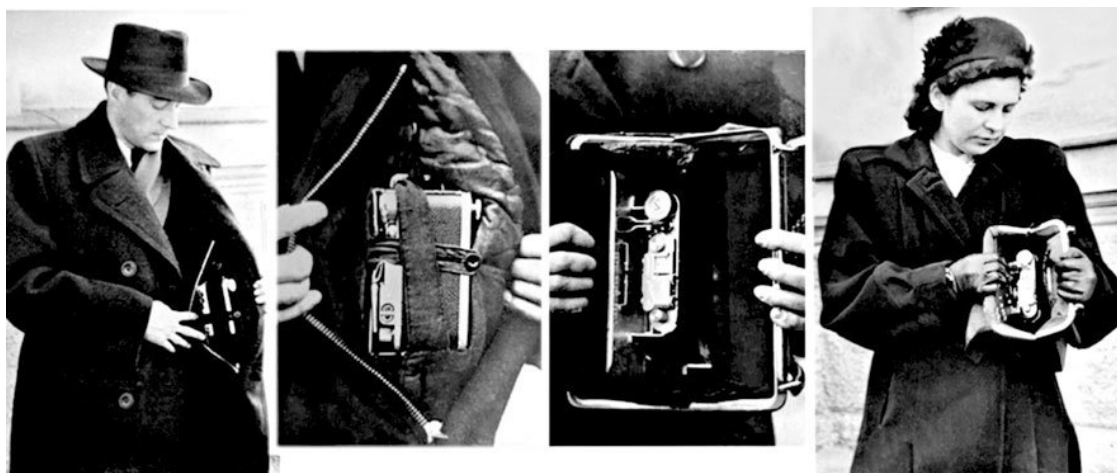

Фотоаппараты «ФЭД» с объективом 1: 4,5 / 28 мм (слева) и модифицированный «ФЭД» с объективом 1: 2 / 35 мм (РО-4) и с механизмом "Фрикцион", 1940 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

В конце 1940-х и начале 1950-х гг. для «ФЭДов» разрабатывались камуфляжи, которые именовались в оперативных документах как «фото модели» со своими кодовыми названиями.

ями; они имели инвентарные номера, хранились и выдавались оперативным сотрудникам «под расписку» как спецтехника строгого учета. Пальто и куртки подгонялись в специальных ателье под размеры каждого сотрудника и часто индивидуально закреплялись за конкретным офицером МГБ или МВД.

В 1945 г. по личному указанию руководства в Москве в системе госбезопасности создаётся первое самостоятельное подразделение для конструирования и производства специальной фототехники, впоследствии выросшее до размеров большой специализированной лаборатории, названной НИЛ-11, входившей в состав Оперативно-технического управления КГБ СССР. В эту лабораторию направляли наиболее изобретательных и талантливых разработчиков, конструкторов и механиков, создававших уникальные фотокамеры и целые фотосистемы, а также методики эффективного их применения оперативными подразделениями госбезопасности и милиции.

*Фото модели «пальто» и «дамская сумочка» для фотоаппаратов «ФЭД», 1940 гг.
(из архива Keith Melton Spy Museum)*

Глава 12. Фотокамеры «Аякс -8 и Аякс-9»

В 1948 г. неизвестным конструктором создается опытный образец фотоаппарата «Аякс-8».

В этой первой специальной камере взвод затвора и перемотка фото пленки осуществлялись внутренней пружиной, которая предварительно взводилась боковым штоком. «Аякс-8» обычно располагался под верхней одеждой сотрудников, и фотографирование велось через специальные пуговицы пальто или пиджака. Фотоаппарат имел дистанционное управление, нажатием кнопки которого производился спуск затвора с последующей перемоткой пленки на один кадр под действием внутренней пружины.

Для работы с «Аяксом-8» использовалась неперфорированная фотопленка шириной 21 мм, которая предварительно нарезалась из стандартной 35 мм пленки. Размер негатива у «Аякс-8» был 18×24 мм, что было в два раза меньше, чем у обычных 35 мм фотоаппаратов. Такой уменьшенный кадр снижал качество получаемых фотоснимков.

Слева «Аякс-8» с объективом А-1; стрелками показаны места крепления аппарата к «фотомоделям». Справа «Аякс-8» с объективом А-4. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Новый аппарат обеспечивал высокую конспиративность фотосъемки через «фотомодели», однако имел существенный недостаток: значительное усилие взвода и спуска кнопки затвора, а также довольно высокий уровень шума в моменты фотографирования, что могло привести к расшифровке оперативных мероприятий. К тому же первый специальный фотообъектив А-1, которым был снабжен «Аякс-8», имел низкие оптические параметры, что влияло на качество снимков, особенно при пониженном освещении. Все эти недостатки первого советского специального фотоаппарата вызывали у офицеров МГБ справедливые нарекания: от разработчиков спецаппаратуры требовали высококачественную и надежную портативную фототехнику.

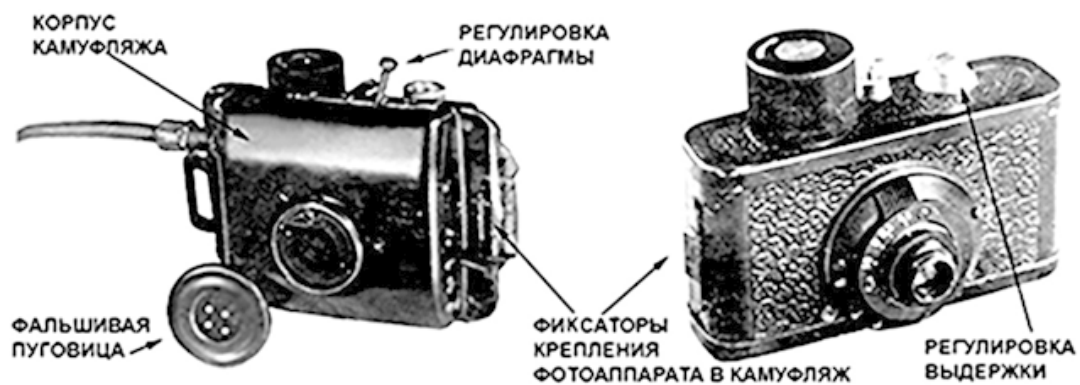
Разработчики и конструкторы учли все высказанные оперативным составом замечания, и в 1949 г. на вооружение МГБ поступает новый аппарат «Аякс-9», существенно отличавшийся в лучшую сторону от предыдущей модели. В новой камере был применен механизм взвода внутренней рабочей пружины по типу системы «фрикцион», как у модифицированных аппаратов «ФЭД».

Фотоаппарат «Аякс-9» с объективом А-4 (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Это позволило оснастить «Аякс-9» более удобной кнопкой спуска затвора, сделать «легким» сам спуск затвора и модифицировать механизм перемотки пленки. Теперь при нажатии на кнопку срабатывал затвор и производился снимок, а при отпускании кнопки пленка автоматически перематывалась на один кадр и снова взводился затвор. Один полный взвод внутренней пружины обеспечивал в новом аппарате возможность съемки до 15 кадров.

Кроме объектива А-4, на «Аякс-9» также устанавливался объектив А-1 с улучшенными оптическими параметрами. Были разработаны новые специальные кассеты для быстрой перезарядки камеры «Аякс-9» на свету. Эти нестандартные кассеты вмещали 600 мм фотопленки шириной 21 мм. В комплект аппарата теперь входил новый резак, позволявший быстро и точно нарезать в полной темноте заранее выбранную по чувствительности фотопленку. «Аякс-9» оснащался улучшенным механизмом затвора, обеспечивавшим большую стабильность выдержек, чем у предыдущей модели. Для фотоаппарата «Аякс-9» было изготовлено новое дистанционное управление с плавным спуском затвора, что было особенно важным во время фотосъемки «на ходу».

Фотоаппарат «Аякс-9» с объективом А-1, слева камуфляж «пуговица» (фото из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 13. Фотокамеры «Аякс -10» – «Аякс-12»

В 1950 г. НИЛ-11 выпускает новую модель «Аякс-10», у которой появилась новая пружина прижимного столика кадрового окна, обеспечившая более равномерную фиксацию фотопленки перед съемкой после перемотки предыдущего кадра. «Аякс-10» имел новое покрытие внутренних поверхностей аппарата для снижения вероятности царапин на эмульсионном слое фотопленки. Также была изменена форма рукоятки установки значения выдержки. В целом испытания показали хорошую надежность работы основных узлов и частей фотоаппарата.

Фотокамера «Аякс-10» с объективом А-4; слева механизм камуфляжа с рукояткой дистанционного управления (из архива Keith Melton Spy Museum)

Следующая модификация «Аякс-11» появилась в 1951 г. после нескольких лет практического оперативного использования новой серии фотоаппаратов. «Аякс-11» обладал большей надежностью и стабильностью работы всех основных узлов и деталей. Фотоаппарат стал более удобным в эксплуатации, в частности, появилась новая ручка-рычаг установки значения выдержки, а также счетчик кадров. Теперь с помощью «Аякс-11» можно было получать более качественные негативы. Конструкторы добились значительного снижения шумов работы затвора и механизма перемотки пленки. «Аякс-11» прошел многочисленные испытания, получил положительные отзывы оперативного состава МГБ, после чего было решено передать эту модель на оптико-механический завод в г. Красногорске, в новый отдельный цех для серийного изготовления специальной фототехники.

К началу 1950 г. уже накопился определенный опыт использования аппаратов серии «Аякс» и появились выработанные практикой правила подготовки техники и проведения негласной фотосъемки. Для получения качественного фотоснимка сотрудник должен был:

- 1) предварительно установить объектив аппарата на нужное по условиям съемки расстояние; при необходимости предварительно оценить или даже измерить это расстояние с соблюдением требований конспирации;
- 2) оценить равномерность освещенности объекта фотосъемки; по возможности не использовать места, откуда объект может получиться на снимке слишком контрастным или с затененными частями;
- 3) место фотографирования должно выбираться из расчета максимального заполнения кадра снимаемым сюжетом, что позволило бы в дальнейшем безошибочно опознать по

фотоснимку всех «действующих лиц», точно определить местоположение важных предметов, объектов и т. п.;

4) определить или уточнить необходимую экспозицию: выдержку и диафрагму в зависимости от используемой фотопленки, предполагаемой или уже известной освещенности объекта; как правило, движущийся объект должен сниматься с максимально короткой выдержкой, а статический сюжет – с более закрытой диафрагмой для увеличения глубины резкости;

5) в момент съемки желательно зафиксироваться (прислониться к дереву, стене, афише и др.) и плавно нажать на спусковую кнопку или рычаг дистанционного управления.

В 1952 г. красногорский завод освоил серийный выпуск специальных фотоаппаратов «Аякс-12», которые стали известными под заводской маркировкой Ф-21. Выпускаемые «Аяксы» имели серийные номера, первые цифры которых на некоторых сериях фотоаппаратов указывали на год изготовления. Какое-либо клеймо или фирменные знаки завода-изготовителя на фотоаппараты «Аякс», как и на всю специальную продукцию для МГБ и затем для КГБ, не ставилось. Исключением явилась небольшая серия фотоаппаратов «Аякс» с клеймом завода в г. Уфе. Только в 1989 году коммерческая версия «Аякса-12», получившая название «ZENIT MF-1», имела на передней панели фирменное заводское клеймо, поскольку эта модель предназначалась для открытой продажи на потребительском рынке.

В заводской комплект поставки фотоаппарата «Аякс-12» входили:

- 1) фототросик дистанционного управления;
- 2) четыре кассеты для фотопленки по две в специальной металлической укладке;
- 3) улучшенная модель резака для фотопленки.

Перезарядку фотоаппарата «Аякс» сотрудник мог производить на свету заранее подготовленными кассетами. Фотохимическая обработка пленок и снаряжение кассет производились в фотолабораториях оперативных подразделений.

Изготовление фотопленки для «Аякса» производилось с помощью специального резака. Обычная 35 мм кинопленка, например, тип 135 устанавливалась в приемную щель резака и путем вращения рукоятки подавалась на режущие элементы. С помощью зубчатого барабана производился отсчет требуемого количества кадров, после чего вращение рукоятки останавливалось стопором. При нажатии на боковой рычаг необходимая для зарядки фотоаппарата часть пленки длиной 60 см отрезалась, оставшиеся отрезанные части выбрасывались.

Кассеты для «Аякса-12» и резака для удаления перфорации и подготовки отрезка пленки длиной 600 мм (из архива Keith Melton Spy Museum)

Все эти действия производились в полной темноте; при этом резака обеспечивал автоматически все необходимые этапы подготовки и точной нарезки пленки. Рекомендовалось перед началом работы в полной темноте произвести тренировки с резаком при обычном свете.

Одним из первых прикрытий-камуфляжей для аппаратов «Аякс» были черные пуговицы к пальто, теплой куртке или к пиджаку. Летом активно использовалась специальная пряжка с брючным ремнем, состоявшая из двух изделий:

а) пояс-бандаж, сшитый из мягкой ткани с карманом для фотоаппарата и отверстием под объектив;

б) ременная пряжка с полупрозрачным зеркалом и с насадочным кольцом для крепления объектива «Аякса». Позднее вместо зеркальной (полупрозрачной) пряжки стали использовать пряжку-решетку различной конфигурации.

Слева прикрытие «ремень»; справа «пуговица пальто» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Прикрытие «ремень» надевалось следующим образом: вначале сотрудник аккуратно закреплял пояс-бандаж, плотно застегивая пряжки крепления на спине. Затем в карман пояса устанавливался «Аякс» таким образом, чтобы его объектив выступал наружу. Через отверстие в бандаже выводился фототросик дистанционного управления, который навинчивался на спусковую кнопку фотоаппарата. В рубашке и брюках прорезались отверстия для объектива. Надев брюки, сотрудник одевал пряжку на объектив, пропуская половинки ремня через шлевки брюк и застегивал их сзади или сбоку. Спусковой фототросик выводился в карман брюк.

Рубашка и брюки сотрудника должны были выглядеть аккуратно, не иметь небрежного вида и морщин. Ничто не должно было сковывать движения сотрудника. Как правило, прикрытие «ремень» использовал сотрудник, который не имел избыточного веса и большого живота. Галстук часто завязывался так, чтобы его нижний конец немного закрывал пряжку. При фотографировании сотрудник слегка откидывался назад, галстук немного приподнимался и производилась фотосъемка.

Прикрытие МГБ ГДР «мужская сумка» для фотоаппарата «Аякс-12» (из архива Detlev Vreisleben Collection).

Прикрытие «брошка» с прозрачной вставкой для использования фотоаппарата «Аякс-12» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Перед «боевыми» фотосъемками сотрудник в обязательном порядке проходил основательный курс подготовки и тренировки для приобретения устойчивых навыков. Наиболее частой ошибкой была неточная наводка на объект по высоте, в результате чего на фотоснимке не было объекта целиком, а только ноги, колеса автомашины и пр.

Съемка из «мужской сумки» велась через прозрачный элемент в центре на пряжке. Управление фотоаппаратом производилось путем нажатия на нижний угол сумки, связанный рычажной системой с кнопкой спуска затвора. Наличие боковой «змейки» позволяло быстро вытащить фотоаппарат из прикрытия для замены.

По свидетельству ветеранов КГБ, наиболее используемыми «фотомоделями» были пальто и пиджак, которые позволяли точно наводить фотоаппарат на объект съемки. Длительная практика использования «Аякса» давала возможность производить качественную фотосъемку даже в метро при пониженной или просто плохой освещенности. В этих условиях иногда практиковалось использование выдержки «В» (от руки), позволявшей опытным сотрудникам делать качественные фотоснимки в условиях низкой освещенности, что считалось настоящей виртуозной работой и особо отмечалось руководством подразделения. Иногда «Аякс-12» прятали в кулак и производили конспиративную фотосъемку между пальцами рук. Такой необычный прием фотосъемки, конечно же, требовал большой тренировки, практики и определенной импровизации движений руки с аппаратом в кулаке.

Практика работы сотрудников наружного наблюдения показала, что женщина, профессионально ведущая слежку, имеет больше возможностей для быстрого изменения внешности за счет макияжа и смены заметных элементов одежды.

Вариант размещения под одеждой радиостанции «Кама» с микрофоном-динамиком и фотоаппарата «Аякс-12» с дистанционным управлением, 1950 гг. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Учитывая эти обстоятельства, были разработаны разнообразные женские «фотомодели», дававшие возможность фотографировать объект крупным планом на достаточно близком расстоянии. Водной из таких «моделей» в качестве прикрытия объектива использовалась специально изготовленная брошка, для чего в блузке или тонкой кофточке, одеваемой под пиджак, пробивалось отверстие, через которое производилось фотографирование.

На рисунке показана экипировка женщины, оперативного сотрудника, которая выполняет негласную фотосъемку встречи в ресторане объекта разработки со своим новым контактом. Кроме фотоаппарата, обязательным атрибутом являлась скрыто носимая радиостанция, располагавшаяся под одеждой.

Глава 14. Фотоаппараты «Найлон», «Неоцит», «Заход»

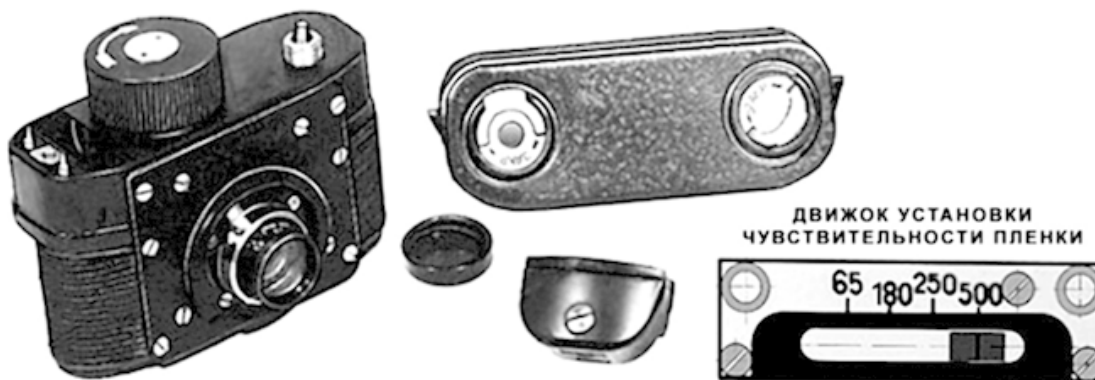
В 1975 г. был разработан и начал серийно выпускаться красногорским заводом модифицированный «Аякс-12» с новым объективом, со встроенным экспонометром и новым центральным затвором с электронным управлением. Объектив этой новой модели, названной «Найлон», был сфокусирован на постоянную дистанцию 7 м. С помощью предварительно устанавливаемой диафрагмы (2,9 5,6 и 16) можно было задавать глубину резкости от 1,3 метра до бесконечности.

Аккумуляторный блок обеспечивал электропитание экспонометра и мог сниматься для замены или перезарядки в лабораторных условиях. Счетчик кадров отсутствовал, что несколько снижало возможности этой модели. Для установки чувствительности используемой фотопленки «Найлон» имел на задней панели специальный движок на 4 положения.

Новый затвор «Найлона» вначале работал нестабильно, и сотрудникам специального цеха красногорского завода пришлось его многократно совершенствовать.

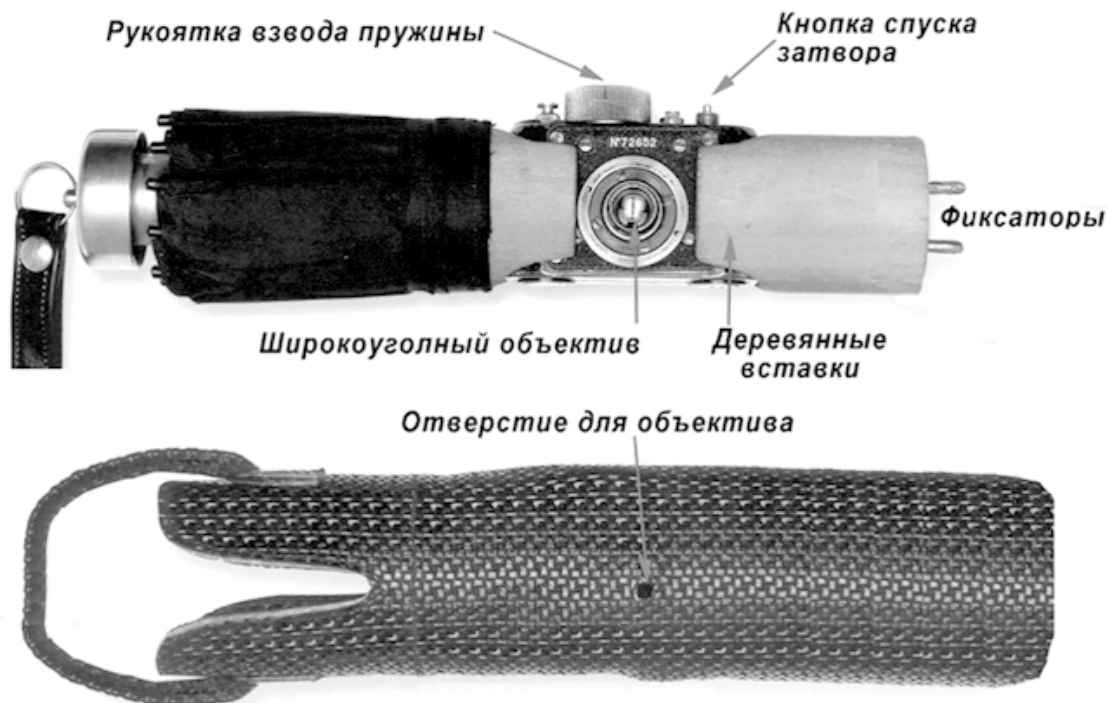

Фотоаппарат «Найлон» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотоаппарат «Найлон» со снятым аккумуляторным блоком и отдельно показанным движком установки чувствительности фотопленки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Используемые подразделениями КГБ и МВД «фото модели» для аппаратов «Аякс» не сразу позволили реализовать преимущества новой полуавтоматической камеры «Найлон», поскольку, например, активно используемое прикрытие «пуговица» полностью закрывало отверстие объектива, и во время съемки экспонометр «Найлона» не успевал «отрабатывать» реальную освещенность фотографируемого объекта. Пришлось делать новый камуфляж «пуговица», имевший светопровод для правильной работы экспонометра. Эти недостатки существенно снижали доверие оперативного состава к новому фотоаппарату, который так и не стал полноценной заменой старому проверенному «Аяксу-12».

Камуфляж «зонтик в чехле», созданный инженерами МГБ ГДР для аппаратов «Аякс-12» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотоаппараты серии «Аякс» использовались специальными службами СССР практически до конца 1990 г. Страны Варшавского договора, а также страны третьего мира, страны-

друзья и партнеры СССР не менее активно применяли «Аяксы» в различных оперативных мероприятиях, иногда используя отдельные узлы для установки в свои собственные специальные системы негласного фотографирования.

В 1980 г. фотооптическая лаборатория НИЛ-11 совместно с красногорским заводом создает принципиально новую, полностью автоматическую малогабаритную спецфотокамеру «Неоцит», имевшую заводской индекс Ф-27. Эта модель обладала всеми необходимыми возможностями для негласной фотосъемки.

Фотоаппарат «Неоцит» (Ф-27) с пультом дистанционного управления (из архива Detlev Vreisleben Collection)

В подразделения КГБ аппарат «Неоцит» поставлялся ограниченными партиями, в связи с чем оперативные сотрудники КГБ и особенно служба наружного наблюдения МВД продолжали пользоваться старыми фото моделями под «Аякс-12» и «Найлон».

С распадом СССР и прекращением партнерских отношений со спецслужбами стран Восточной Европы НИЛ-11 и закрытый цех красногорского завода лишились огромной базы для сбыта специальной фототехники. К тому же стремительно наступала эра цифрового фотооборудования, имевшая неоспоримые оперативные преимущества перед пленочными технологиями. Цифровые камеры начали активно захватывать все направления фотосъемки. Спецслужбы по достоинству оценили перспективы новой цифровой фототехники, и пленочные фотокамеры практически сразу стали раритетами.

Тем не менее в 1992 г. в арсенале спецслужб России появляется новая и, вероятнее всего, последняя пленочная фотокамера «Заход» (заводской индекс НФ-1101), для которой были разработаны камуфляжи-прикрытия «атташе-кейс», «брючный ремень», «мужская сумка» и др. В аппарате «Заход» применялась автоматическая установка экспозиции, что давало возможность получать качественные негативы в самых разных условиях фотографирования.

Комплект фотоаппарата «Заход» был представлен на нескольких международных выставках в Москве и за рубежом. Интересная деталь: в 2011 г. на Венском аукционе раритетной фототехники комплект «Заход» был продан за 7000 \$.

В целом необходимо отметить, что фотоаппараты серии «Аякс» – «Найлон» активно и эффективно использовались многими подразделениями КГБ и МВД, в первую очередь бригадами наружного наблюдения, а также другими специальными службами СССР с 1952 г. и практически до конца 1990 г. и даже позднее. В оперативных разработках шпионов Попова, Пеньковского, Огородника, Толкачева и многих других использовались важные фотоснимки, полученные аппаратурой «Аякс». Специальные службы стран Варшавского договора, а также стран третьего мира, стран-друзей и партнеров СССР не менее успешно

применяли «Аяксы» в самых различных оперативных мероприятиях, руководимые советскими инструкторами, их немецкими и кубинскими коллегами, иногда используя отдельные удачные модели-прикрытия – свои местные специальные системы негласного фотографирования. Учитывая большой период эксплуатации, широкую географию применения и огромный практический опыт использования, можно с уверенностью назвать советские аппараты «Аякс» самыми массовыми и эффективными специальными фотокамерами **XX** века.

Очерк IV. Зачет для чекиста

Глава 17. Фотоаппарат «Зачет»

Василий, молодой офицер КГБ, считался уже опытным оперативным работником, поскольку недавно в течение нескольких месяцев стажировался в одном из престижных зарубежных университетов. Сейчас, после объявления места долгосрочной командировки (а это была та же страна), Василий готовился к испытаниям, которые считались самыми трудными для младших офицеров КГБ: представлению сотрудника в парткоме главка и беседе в совете ветеранов. И если к первому испытанию можно было как-то подготовиться, пользуясь опытом своих товарищей, уже прошедших это «чистилище», то в совете ветеранов могли задать самые неожиданные и коварные вопросы. «Как молодому Маслюкову в набирающем тогда популярность КВН», – шутили между собой уже прошедшие все эти этапы офицеры. Боевые биографии ветеранов КГБ часто были отмечены набором всяких невероятных историй и каждому в совете хотелось узнать, а как поведет себя молодой чекист в нестандартной ситуации, например, когда со стороны американцев делается «подход» (прямое предложение о сотрудничестве), да еще и с угрозой жизни? Василий уже представлял для себя такого рода вопросы и твердо решил, что ответит, как тот легендарный чекист, который, раскидав в номере японского отеля группу вербовавших его американцев, выпрыгнул в окно и «огородами» добрался до родного посольства. Об этом случае Василий узнал от приятеля, с которым вместе проходили подготовку к заграничной командировке.

Василию повезло: совет ветеранов собрался в уменьшенном составе (опять свирепствовал московский грипп), и первый вопрос был о месте командировки. Ветераны обрадовались, что Василий едет уже на «обжитое» место и знакомиться с оперативной обстановкой ему не придется. Однако, как выстрел в спину, прозвучал последний вопрос одного из членов совета: а что было в передовице «Правды» за вчерашний день. Василий внутренне замер, но потом вспомнил газету, которую вчера читал его сосед в автобусе по дороге на объект и на которую Василий поглядывал, не зная, чем себя занять. Ответ Василия вполне удовлетворил ветеранов, и все они дружно пожелали молодому офицеру результатов и удачи.

Наш герой не был новичком и потому имел достаточно полное представление о том, с какими трудностями ему придется столкнуться. Кроме изнурительной постоянной слежки со стороны контрразведки, к чему постепенно можно было привыкнуть, Василий, выбравший для себя псевдоним «Старик», больше боялся интриг, криков и нагоняев со стороны руководителя заграничного аппарата КГБ, человека пожилого, ветерана войны и потому часто гонявшего «и в хвост и в гриву» молодых чекистов, как в свое время бойцов в окопе, справедливо полагая, что «молодняк» отдается оперативной работе не в полной мере, излишне увлекается набегами на местные магазины, прикрываясь туманным термином «свободный поиск оперативных контактов». «Резаку» (так про себя оперативники называли своего начальника-резидента) также не нравилось поголовное увлечение музыкальными дисками-пластинками западных кумиров. И действительно, нередко на застольях по разным поводам отечественная музыка звучала, как правило, в исполнении Высоцкого, ну а для фона под танцы включали магнитофонные записи западных звезд тех лет.

Василий заменил уехавшего в Москву сотрудника, который по заведенному правилу передал «Старику» свои оперативные связи. Конечно же, активно действующей агентуры среди них не было: она находилась на связи только у матерых оперов. Василию же достался целый выводок советских студентов и аспирантов, попавших в близлежащие университеты по обмену. Это был десяток молодых парней, завербованных еще в СССР территориальными

органами КГБ и потому включенных в рекомендованный список для стажировки в зарубежных учебных заведениях.

Стажеры ежемесячно и под разными предлогами, в основном для получения писем от родных и близких (которые доставлялась из СССР только диппочтой), посещали советскую дипмиссию и заодно беседовали со своими кураторам, среди которых был «Старик», Василий. Стажеры тайком таскали статьи из университетских изданий, в которых иногда попадались интересные материалы по темам, обозначенным в плане работы как «Основные задачи КГБ по линии научно-технической разведки». Самыми интересными были визитки «контактов», с которыми стажеры сталкивались, знакомились и даже дружили. Однажды на глаза Василию попала визитка сотрудника Л-ской лаборатории, которая фигурировала как один из главных объектов агентурного проникновения. Аспиранта, притащившего эту визитку, Василий нашел в магазинчике представительства, где можно было с большой скидкой купить водку, колбасу, сыр и другие весьма ценимые советскими стажерами продукты. Закрывшись в защищенной от подслушивания специальной комнате, Василий учинил допрос стажеру, который охотно рассказал о своем новом знакомом по имени Джошуа, тоже иностранце, с которым они познакомились на одной из научных конференций. Василий велел стажеру ближе познакомиться с Джошуа и устроить вечеринку с подходящим поводом в студенческом общежитии, куда и надо было пригласить своего приятеля. Для этого стажеру была выдана небольшая сумма из оперативной кассы.

Через месяц стажер доложил Василию, что вечеринка удалась на славу, и в знак благодарности подвыпивший Джошуа оставил «своему лучшему другу» электронный пропуск в одну из закрытых библиотек Л-ской лаборатории. По мнению Джошуа, стажер мог за несколько дней «накопать» там материалов на пару-тройку диссертаций. Пропуск был электронный, поэтому в закрытую библиотеку можно было запросто пройти «русскому другу».

Василий мигом сообразил, какую информацию можно найти в закрытой библиотеке, и побежал докладывать своему шефу, который, поразмыслив, рискнул доложить резиденту. Всем повезло: резидент был в настроении и, наскоро прорывав монолог о коварстве противника и о правилах безопасности работы в городе, занялся изучением визитки, потом пропуска и, наконец, потребовал подробностей прохода в закрытую библиотеку и режима работы в ней. После обсуждения со всех сторон был составлен план операции, который на первый взгляд был довольно простым: стажер проходит в библиотеку по электронному пропуску, заполняет карточку по интересующей Василия тематике и через минуту получает на мониторе перечень названий материалов, которые затем можно получить на руки для работы внутри читального зала. Выносить материалы из библиотеки было запрещено, и стажеру поручалось только выписать заголовки.

Главным условием предстоящего похода в библиотеку было отсутствие «наружки», которая хоть и редко, но «ходила» за стажерами, особенно за теми, кто часто приезжал в дипломатическую миссию. Стажеру было рекомендовано вести себя тихо, смотреть по сторонам и пару месяцев не появляться в расположении советского представительства. Связь с ним будет поддерживать Василий, который, проверившись на отсутствие слежки, сам придет в университетский городок, найдет стажера и побеседует с ним в укромном месте.

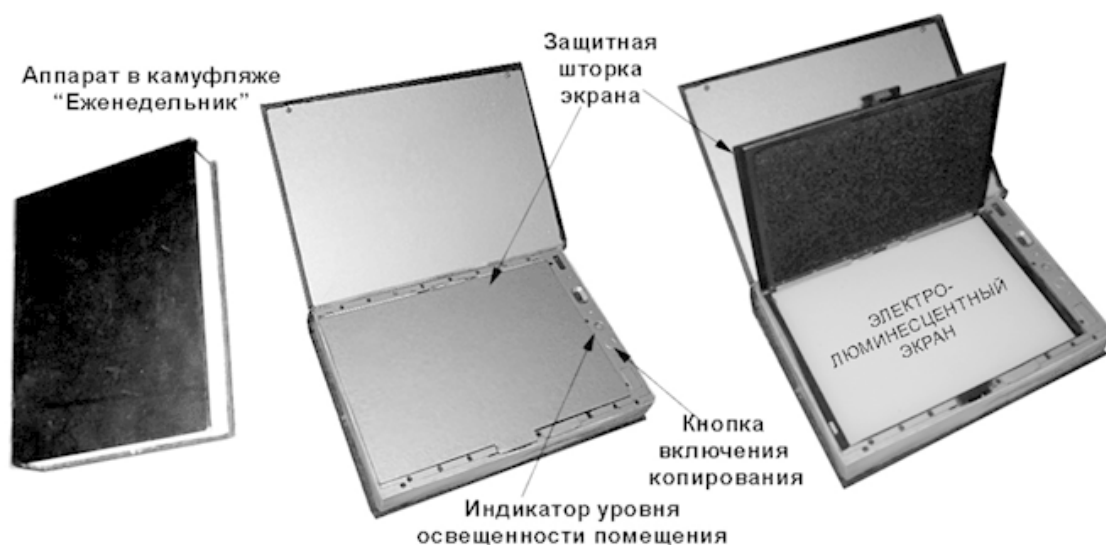
Первый же поход стажера в библиотеку Л-ской лаборатории заставил приятно заволноваться и руководство, и, конечно, Василия. В списке названий работ, имевшихся в ней, было именно то, что фигурировало в качестве приоритетных заданий из Москвы. К тому же какой-либо охраны в ней не было: порядки в этой библиотеке образца 1970-х гг. были самые демократичные, и можно было попытаться вынести материалы для копирования в автомашине Василия (она будет стоять недалеко) на всем известном фотоаппарате «Корица».

Через месяц на очередной встрече с Василием стажер рассказал следующее: в библиотеке после заказа материалов библиотекарь притащила пластиковую коробку с листами

фотопленок и пригласила стажера к специальному просмотровому аппарату. После дополнительных расспросов оказалось, что материалы в библиотеке хранятся в микрофишах – листах особой фотопленки размерами 6 на 12 см, на которых размещалось до 100 и более крохотных кадров, читаемых только при большом увеличении на специальном устройстве. О копировании таких мелких кадров можно было и не мечтать – с таким выводом грустный стажер отчитался перед Василием, который после душевного взлета впал в уныние.

До этого в резидентуре никто с микрофишами не работал. Василий кинулся за помощью к оперативно-техническому сотруднику, который слыл в резидентуре мастером решать технические задачи. Оказалось, что он (псевдоним «Седой») проходил в Москве подготовку по копированию информации со всех видов носителей, в том числе и с микрофиш. «Седой» успокоил расстроенного «Старика», сообщив, что в Москве есть замечательный прибор для копирования микрофиш, закамуфлированный под блокнот-ежедневник.

Резидент дал срочную телеграмму, и с ближайшей почтой был получен комплект нового фотокопировального аппарата «Зачет». Конструкция «Зачета» была достаточно простой, а копирование микрофиш оказалось и вовсе несложным делом, которое «Старик» освоил за несколько уроков. Дальновидные фотомастера прислали также из Москвы импортную фотопленку, чтобы молодым офицерам не пришлось, сломя голову, искать специальный фотоматериал с высоким разрешением, рискуя попасть под наружное наблюдение контрразведки.

Фотоаппарат «Зачет» в камуфляже «еженедельник» (фото из архива Keith Melton Spy Museum)

Василий быстро усвоил приемы работы с «Зачетом», и оперативно-технический сотрудник устроил ему небольшой экзамен. Теперь Василию требовалось встретиться со стажером, обучить его приемам работы с копировальным аппаратом. Стажер посещал библиотеку несколько раз, хорошо представлял себе ситуацию в зале и предложил работать с аппаратом «Зачет» в туалете, достаточно просторном, чтобы быстро делать копии с оригиналов микрофиш. В советском представительстве оказался похожий по габаритам туалет, где «Старик» провел генеральную репетицию и определил ориентировочное время для копирования пачки микрофиш в 10 штук. Появление «Седого» (а он был к тому же охотником на «жучков») в районе туалета вызвало легкую панику среди персонала миссии, и по зданию поползли слухи, что чекисты нашли в туалете «жучка», другие же уверяли, что «жучка» только поставили. Опровергать эти домыслы никто не стал.

Была составлена телеграмма в Москву с предложением разрешить проведение мероприятия «Блокнот» по копированию стажером микрофиш, содержащих важные для КГБ материалы, в здании закрытой библиотеки Л-ской лаборатории. В мероприятии предполагалось участие стажера как главного исполнителя и «Старика», который бы страховал стажера. В случае появления постоянного наружного наблюдения за «Стариком» предполагалось конспиративно вывести его в автомашине «Седого», за которым слежки в последнее время не наблюдалось.

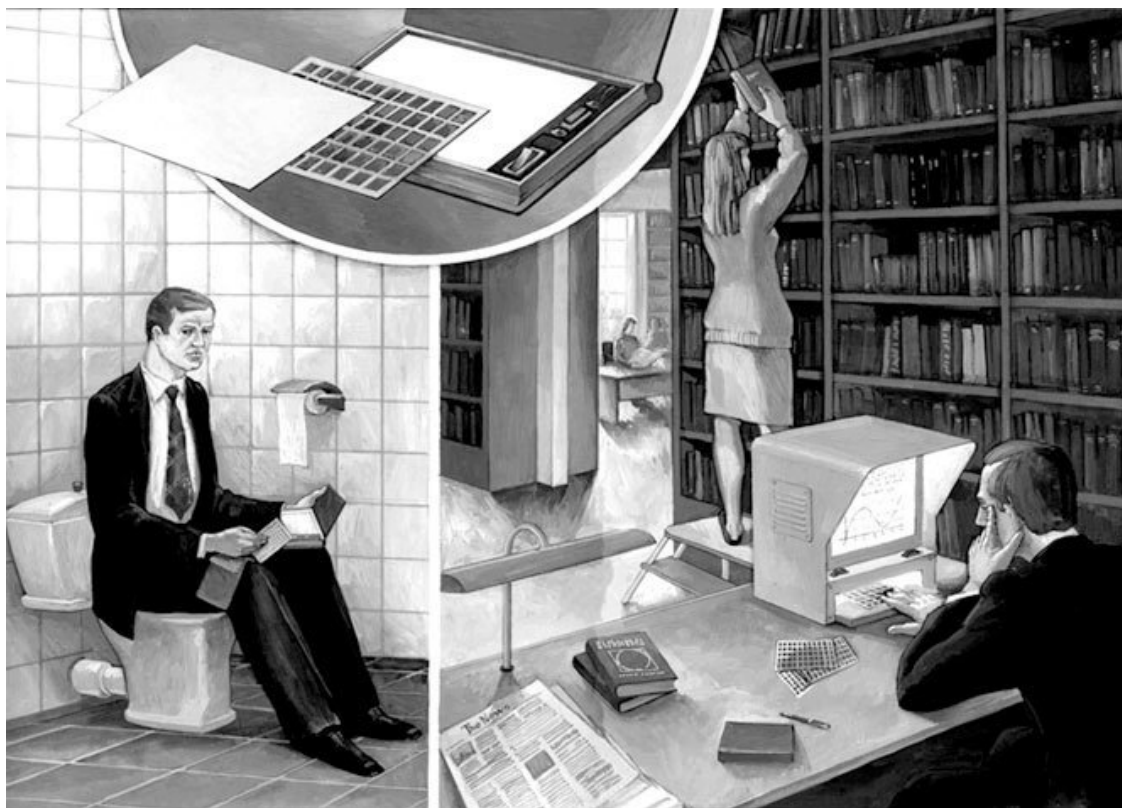
В день операции активность «наружки» была невысокой, и «Старик», проверившись на отсутствие слежки, быстро добрался до городского подземного гаража, где оставил автомашину, и пересел на метро. Сменив несколько видов транспорта, «Старик» встретился со стажером в условленном месте, и они вместе вошли в здание библиотеки, поочередно воспользовавшись электронным пропуском, переданным через окно туалета.

Копирование полученных на руки микрофиш аппаратом «Зачет» проводилось в туалете, куда по очереди заходили «Старик», а потом стажер, и наоборот. Сделав копии, стажер сдал микрофиши обратно в хранилище, и оба благополучно разошлись в разные стороны: стажер в университетское общежитие, а «Старик» более длинным путем до «родной конторы».

Проявление копий микрофиш показало достаточную четкость их для чтения. До прибытия почты была еще неделя, и оперативно-технический сотрудник умудрился с помощью модернизированного увеличителя отпечатать фотокопии размерами А4 с наиболее интересных кадров копий микрофиш для их изучения Василием.

В дальнейшем стажер смог самостоятельно делать фотокопии микрофиш, для чего посещал библиотеку еще несколько раз. Неожиданно действие электронного пропуска прекратилось, который, по всей видимости, был запрограммирован на определенное время.

В Москве положительно оценили результат проведенного мероприятия «Блокнот»: руководитель и «Старик» получили по благодарности руководства КГБ, а в заключение на годовой отчет было отмечено активное использование специальной фототехники оперативно-техническим сотрудником.

Копирование микрофиш на «Зачете» в туалетной комнате библиотеки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Очерк V. Ломавшая судьбы американская зажигалка

Глава 16. Находка после партийного собрания

На моем рабочем столе пенсионера лежит черная с белым доньшком американская зажигалка «Cricket». Этот великолепно сделанный мастером макет часто вызывает воспоминания о первой командировке в США, где пришлось пережить столько взлетов и падений, которых, по мнению друзей, хватило бы моим коллегам на весь период службы в разведке КГБ. Но я совсем не исключение, и биографии многих офицеров ПГУ, с которыми довелось работать, были полны таких невероятных историй, что моя карьера на их фоне выглядит вполне благополучной, где «проколы» окупались радостью побед, в которых часто присутствовала удача.

Я вспоминаю моих товарищей, с которыми работал в США и чьи судьбы и карьеры круто изменила, а многие поломала эта обычная на вид одноразовая зажигалка. В памяти вызов на ковер в кабинет В. А. Кирпиченко, заместителя начальника ПГУ, который показывает «мою» зажигалку и, хитро улыбаясь, велит быть утром в Следственном управлении КГБ в Лефортово. Даже сегодня, через 30 лет, душа холодеет от воспоминаний трех дней, проведенных в узком, как одиночка, кабинете, где хозяин, молодой следователь, вежливо задавал одни и те же вопросы, часто делая перерыв на чай и сушки, стараясь перевести наши 8-ми часовые встречи в дружеские беседы.

Потом, по просьбе Вадима Алексеевича я встретился с Надеждой, женой моего сослуживца Бориса, сидевшего теперь в одиночке Лефортово. Кирпиченко попросил меня как-то поддержать Надежду, которая не догадывалась о двойной жизни мужа и после его ареста сразу лишилась всех близких друзей и подруг. Мы долго стояли около ГУМа, обнявшись, шептались друг другу какие-то слова... Утирая ей слезы, я передал для Бориса советский дефицит – банку кофе и блок «Мальборо», замечая, как нас с разных сторон фотографируют молодые парни из «наружки», пользуясь прикрытием «атташе-кейс», который я столько раз сам готовил для скрытой съемки «объектов оперативного интереса».

А началась эта драматичная история солнечным субботним утром, когда я, молодой оперативно-технический сотрудник резидентуры КГБ в США, решил заняться накопившимися за неделю текущими делами, не отвлекаясь на постоянные просьбы оперативников: они в этот день активно работали в городе. Я планировал «перенести» на фотопленку накопившиеся за неделю толстые американские справочники и научные отчеты, которые надо было вернуть в места их хранения.

Звонок по внутренней связи заставил, чертыхаясь, вылезти из фотокомнаты. Звонил Женя, квалифицированный рабочий, мой верный помощник по технической защите здания советской миссии. Женя таинственным голосом сообщил, что нашел потерянный кем-то из «наших» фотоаппарат. Я пулей влетел в подвал, где Женя поведал мне шепотом о том, что его супруга рано утром, наводя порядок после прошедшего накануне партийного собрания, подобрала на полу в актовом зале оставленную кем-то зажигалку.

Женя как дотошный советский технарь попытался заправить одноразовую зажигалку, которая исправно высекала искру, но не горела. Он начал отворачивать доньшко, под которым оказался край фотопленки характерного бледно-фиолетового цвета. Женя не удивился и сразу отдал зажигалку мне, полагая, что такой шпионский предмет мог случайно обронить кто-нибудь из чекистов.

Я был несказанно рад, получив в свои руки неизвестную спецтехнику, и первым делом побежал к начальству. Мой резидент, также проводивший выходные на работе, совсем не разделил моей радости по поводу обнаружения «зажигалки» и мрачным голосом велел мне аккуратно проявить часть фотопленки в надежде определить владельца по снятым кадрам. В отличие от меня, шеф сразу сделал вывод, что в нашем здании работает враг.

Пользуясь прибором ночного видения, я разобрал фотоаппарат, вытащил и «засветил» кусочек пленки, чтобы определить время проявления для получения контрастного негатива. Оставшуюся часть пленки я надежно завернул в черную бумагу и стал разбирать сам аппарат для подготовки подробного отчета. Итак, зажигалка действительно представляла собой реальный шпионский микрофотоаппарат, но с чистой, неэкспонированной пленкой, что и спасло незадачливого агента-растеряху от немедленного разоблачения, но заставило разведку и контрразведку КГБ активно его искать.

Однако сделать это оказалось непросто: по иронии судьбы находка была обнаружена не под стулом, где сидел ее владелец, а там, куда она закатилась от случайного удара ногой. На стульях, под которыми обнаружили зажигалку, сидели в большинстве своем курильщики, честные советские заграничники, совсем не подозревавшие, что попадут на длительный срок под пристальное внимание контрразведки после возвращения на родную землю.

Как я потом узнал, «зажигалку» отправили в Оперативно-техническое управление КГБ, где специалисты сразу опознали уже известный микрофотоаппарат, ранее обнаруженный у агента ЦРУ Огородника, арестованного в 1977 г. в Москве. При обыске его квартиры внутри дорогой авторучки «Паркер» оказалась аналогичная фотокамера. Однако смерть Огородника не позволила контрразведчикам установить особенности появления у него этой спецтехники, а также способы подготовки к работе столь необычного по тем временам фотоаппарата, для которого в тайнике был обнаружен секретный контейнер с запасными кассетами в советской батарее.

Теперь в ОТУ КГБ оказалась вторая микрофотокамера, уже в зажигалке. Но отсутствие владельца этой спецтехники, как и в случае с отравлением Огородника, не давало важных для следователей КГБ оперативных и технических деталей. И потому обе фотокамеры передали в НИЛ-11, ведущую фотооптическую лабораторию Комитета. Её конструкторы тщательно изучили эти американские изделия, провели необходимые измерения и даже приготовили подробные чертежи. В 1985 г. после ареста шпиона Толкачева в руки КГБ попал третий вариант фотокамеры ЦРУ уже в цилиндрическом брелоке для ключей. Толкачев подробно рассказал следователям о своей фотоаппаратуре, в том числе и о собственной её модернизации: он примотал изолентой длинную вязальную спицу к фотокамере для жесткого фиксирования расстояния до поверхности снимаемых документов. Фотографировать советские секреты он стал быстрее и качественнее.

Глава 17. Признание директора оперативно-технической службы ЦРУ

Через несколько десятков лет вышедший на пенсию Роберт Уоллес, бывший директор Оперативно-технической службы (ОТС) ЦРУ, решился рассказать о том, как и для кого делали эти необычные по тем временам фотоаппараты. Оказывается, что специалисты ОТС давно ломали головы о собственном агентурном фотоаппарате. Эта идея возникла еще во время активной работы шпиона Пеньковского, который часто и неосторожно пользовался известной фотокамерой «Минокс» и даже был сфотографирован сотрудниками КГБ в момент съемки секретных документов.

В отличие от КГБ с его огромным научно-техническим и производственным потенциалом, у ЦРУ не было подобной технической базы. Специальные офицеры-менеджеры колесили по стране в поисках кустарей-одиночек, небольших коллективов талантливых конструкторов и одержимых собственными идеями гениев. Иногда офицерам ЦРУ удавалось уговорить владельцев крупных американских концернов оказать помощь родной разведке. Но в 1960-х и 1970-х гг. подобные удачные для ЦРУ проекты имели место только в случаях масштабного государственного финансирования, как это было со спутниками-шпионами и самолетами У-2.

Однако с фотокамерами ЦРУ повезло: нашлась небольшая фирма, где хозяин, талантливый инженер и конструктор, лично взялся за проект Т-100 – именно так называли эту модель фотокамеры в зажигалке, первые работы над которой относятся к началу 1970-ых гг.

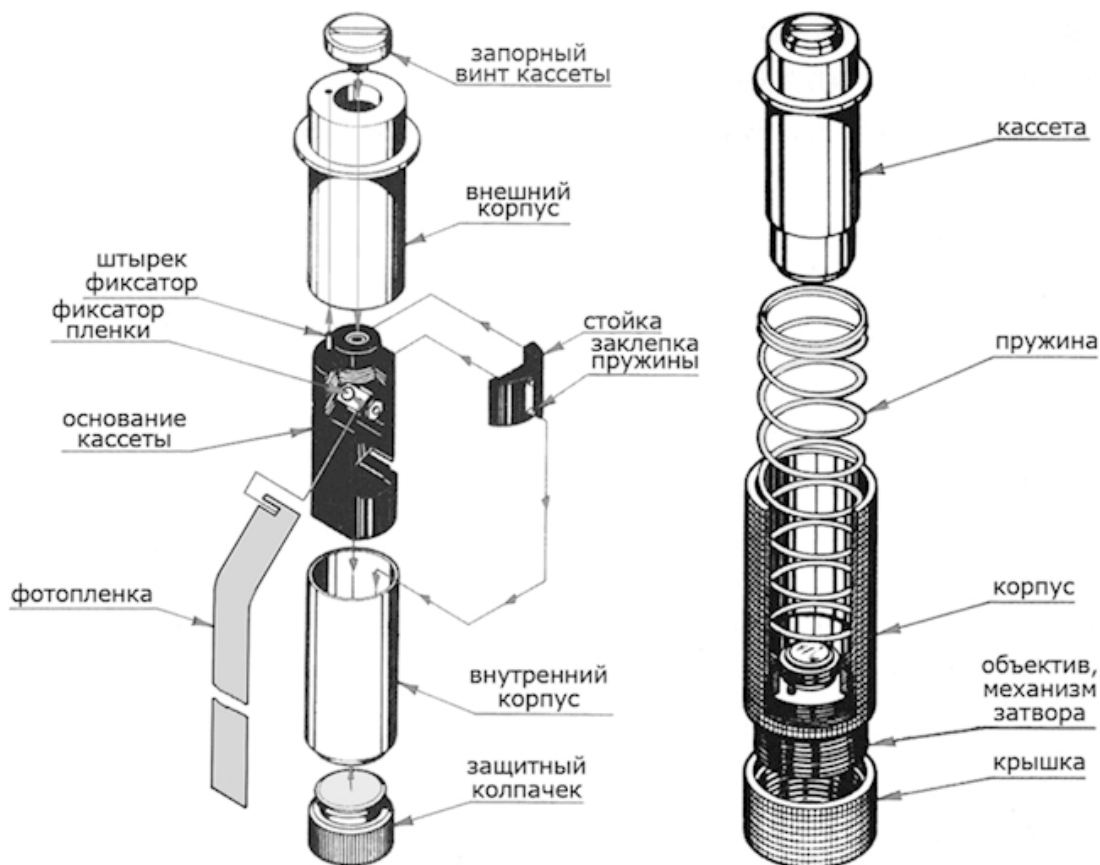
Главным условием, поставленным ЦРУ перед изготовителем, была возможность использования новой камеры для фотографирования в особо охраняемых помещениях. Обязательным было высокое фоторазрешение для четкого копирования изображения всей страницы документа: фотокамера не должна была давать искажений по краям кадра. Работа с фотокамерой предполагалась без вспышки, а сам аппарат должен был вмещать не менее сотни кадров и работать бесшумно. К тому же ОТС ЦРУ добавила требование, чтобы фотокамера имела минимальные размеры для установки ее внутри бытовых предметов, которые можно было бы вносить в охраняемые помещения и зоны безопасности советских зарубежных миссий.

Через некоторое время изготовитель показал офицерам ОТС новый аппарат. Он был в шесть раз меньше известного «Минокса»; основной блок Т-100 имел цилиндрическую форму, что в сочетании с малыми размерами позволяло использовать в качестве камуфляжа такие бытовые предметы, как авторучки, зажигалки и даже цилиндрический брелок для ключей.

Как писал Роберт Уоллес, объектив фотокамеры диаметром 4 мм был собран из восьми элементов с ювелирным искусством и точностью часового механизма. Некоторые детали объектива были чуть больше булавочной головки. Объектив, механизмы затвора и подачи пленки объединялись в алюминиевом корпусе размерами 38 мм в длину и 10 мм в диаметре. При максимальной длине пленки 38 см можно было сделать до 100 кадров.

Основные блоки фотокамеры T-100 (из архива Keith Melton Spy Museum)

Детали фотокамеры T-100 (из архива Keith Melton Spy Museum)

Новая фотокамера была создана в обстановке строгой секретности и предназначалась для использования особо ценной агентурой для негласного копирования документов. Теперь агент ЦРУ мог бесшумно фотографировать, спрятав камеру в ладони, на расстоянии около 28 см от плоскости документа. При этом со стороны казалось, что агент просто изучает текст, чертежи или документы.

Необычная конструкция T-100 требовала специальной сверхтонкой фотопленки с высоким разрешением. После долгих попыток в ОТС ЦРУ нашли выход, используя ста-

рые запасы фотопленки для спутниковых фотоаппаратов. Фирма «Кодак» по секретному контракту уже давно производила для ЦРУ специальную фотопленку «Кодак-1414», основа которой была покрыта сверхтонкой фотоэмульсией, её стали применять для фотокамер Т-100.

Глава 18. Как учили агента ЦРУ TRIGON

Одним из первых агентов, в работе с которым планировалось использование новейшего секретного аппарата, стал Огородник, сотрудник советского посольства в Колумбии, получивший после его вербовки псевдоним TRIGON. Однако, в отличие от Пеньковского, кадрового офицера ГРУ, перед началом работы с Огородником требовалась его специальная подготовка по многим направлениям агентурной деятельности, в том числе обучение работе с новой фотокамерой. Для этого в столицу Колумбии Боготу был командирован опытный сотрудник советского отдела ЦРУ Джордж, знавший русский язык и уже имевший практику работы с камерой Т-100. В связи с особой секретностью общения и обучения Огородника Джордж прибыл в Боготу под туристическим прикрытием, о чем в резидентуре ЦРУ в Колумбии знал только один оперативный сотрудник, которого Джордж мог вызвать для экстренной помощи или для связи с Лэнгли.

Обучение агента TRIGON проводилось в течение нескольких месяцев в одном из номеров отеля Хилтон, куда Огородник мог по легенде заезжать по пути, выполняя рутинные дипломатические и хозяйственные поручения. Для Огородника, который в период его вербовки курил сигареты, вначале была изготовлена фотокамера Т-100 в зажигалке. Однако через некоторое время TRIGON решил отказаться от сигарет, поскольку заболел о своем здоровье. И потому Джордж привез для Огородника новую модификацию Т-50, которая отличалась от первой модели только длиной фотопленки. Дело в том, что во время испытаний и практического использования Т-100 фотопленка нередко заклинивала внутри фотокамеры, и конструкторы изменили механизм подачи пленки, пожертвовав количеством кадров, но существенно повысив надежность работы фотокамеры.

Макеты фотокамеры Т-50 в авторучке (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для уже некурящего Огородника предназначалась модификация Т-50, закамуфлированная в дорогую авторучку «Паркер», которая была вполне уместным предметом личного пользования второго секретаря советского посольства. По секретному заказу ЦРУ фирма «Паркер» сконструировала авторучку на 1,5 мм толще, с уменьшенным контейнером для чернил и более короткой основой для пера, что позволило создать полость внутри авторучки, в которую и была вмонтирована камера Т-50.

В конце своего обучения TRIGON решился на рискованный шаг: он уговорил своего наставника использовать авторучку-фотоаппарат внутри референтуры посольства, где советские дипломаты работали с секретными документами и телеграммами. По мнению

Огородника, особый интерес для ЦРУ представлял недавно полученный из Москвы документ «О состоянии и перспективах советско-китайских отношений». Этот материал был новый, совершенно секретный, и TRIGON терпеливо ждал своей очереди, когда советский посол внимательно прочитает этот документ и затем напишет фамилии дипломатов, которым следует ознакомиться и высказать свое мнение на совещании.

Однако читать секретный документ можно было только в небольшой комнатке референтуры посольства, куда совершенно неожиданно заглядывал через окошко в двери «курьер спецохраны» референтуры как круглосуточный дежурный самого важного помещения посольства.

Инструктор Джордж был против идеи Огородника, поскольку обучение агента еще не закончилось. К тому же был велик риск расшифровки всего мероприятия, поскольку TRIGON планировал делать снимки внутри ознакомительной комнаты референтуры, куда мог неожиданно войти не только охранник, но и шифровальщик, который выдавал и забирал секретные документы после ознакомления.

Однако, получив «ОК» из Лэнгли, Джордж тщательно проинструктировал Огородника и выдал ему готовую к работе авторучку «Паркер». Через несколько дней TRIGON появился в номере Джорджа со словами: «Я думаю, что сделал это».

Когда Огородник ушел, Джордж, выйдя из отеля на приличное расстояние, из уличного автомата вызвал условной фразой на встречу своего помощника, которому и передал авторучку, пройдя пешком около километра до места встречи, опасаясь местных таксистов, которые нередко грабили американских туристов.

Ближайшим авиарейсом в США связной доставил авторучку в Лэнгли, где опытные фотоспециалисты аккуратно проявили и отпечатали все 50 отснятых Огородником кадров. Оказалось, что нечитаемых было только 2 кадра, не содержащих важной информации. Это было настоящим успехом, и директор ЦРУ в тот же день лично поехал на встречу с государственным секретарем Генри Киссинджером, который оценил полученные ЦРУ материалы «как самую важную разведывательную информацию, которую он когда-либо читал, будучи главой Госдепартамента».

Джордж был доволен успехом своего ученика и качеством работы специальной фототехники. В истории ЦРУ этот случай был первым, когда удалось сфотографировать секретные документы внутри референтуры советского посольства.

В 1975 г. после завершения командировки TRIGON вернулся в Москву, где в МИДе получил не самое престижное место. Однако его должность давала возможность читать и фотографировать «авторучкой» документы советских послов, присылаемые со всего мира. TRIGON до момента ареста в 1977 г. активно использовал микрофотокамеры, которые через тайники в Москве передавали ему американские разведчики. Судьба же владельца фотокамеры в зажигалке сложилась совсем по-другому, опять же по иронии судьбы...

Настоящего хозяина потерянной на партсобрании зажигалки искали долго, поскольку КГБ бросил все силы на разработку вернувшихся в СССР «курильщиков», которые, ничего не подозревая, спокойно работали кто в ПГУ, кто в МИДе и МВТ, иногда, правда, удивляясь кадровым решением: под любыми предложениями их не пускали за границу, тщательно «обкладывая» объектов разработки агентурой и спецтехникой со всех сторон, чтобы получить какие-либо материалы улик или хотя бы намеки на них. Карьеры «курильщиков» также складывалась странно: их двигали, но не вверх, а в разные стороны, опять-таки в надежде зафиксировать попытки проявления признаков работы на ЦРУ.

Глава 19. судьба хозяина потерянной зажигалки

А настоящий хозяин зажигалки оставался в США и уже крайне осмотрительно работал со специальной техникой. Его контакты с ФБР, а затем с ЦРУ начались раньше, во время первой командировки в Америку в качестве «аспиранта» в составе группы советских студентов.

Достаточно легкая его вербовка контрразведкой США объясняется, скорее всего, тем, что Борис не был кадровым офицером ПГУ КГБ, а был переведен в разведку с периферии на волне кадрового укрепления центрального аппарата Комитета. Борис не имел достаточного опыта оперативной работы за границей и после непродолжительной работы в московском ТАССе с группой аспирантов и студентов был послан на стажировку в один из университетов США.

Контрразведка ФБР сразу обратила внимание на молодого, активного аспиранта, который имел хорошую языковую подготовку, легко заводил контакты и планомерно собирал материалы для диссертации. Борису «подставили» разбитную американку, агента ФБР, которая быстро стала подругой советского стажера. Именно она познакомила Бориса со своим «старшим братом» Ларри, (в действительности офицером ФБР), с которым постепенно у Бориса сложились приятельские отношения.

Как-то «старший брат» дал ценный совет получить университетскую материальную помощь Борису, который ожидал приезда жены из СССР и собирался показать ей Америку и, конечно же, сделать подарки. Борис подписал липовый «университетский» документ, который подготовил «старший брат» и с легким сердцем получил от ФБР 500 \$, что по тем временам было приличной суммой.

Теперь Борис был «на крючке» у контрразведки, и после отъезда жены состоялась его вербовка. Напоследок перед отъездом в СССР «старший брат» снабдил Бориса открытыми материалами, которые должны были показать руководителям Бориса в Москве эффективность его командировки в США. Расчет ФБР строился на возвращении Бориса в Америку, но уже в качестве оперативного сотрудника одной из резидентур КГБ в США.

Впоследствии Борис во второй командировке работал на ФБР, а затем и на ЦРУ, обеспечивая оперативными сведениями американские спецслужбы, которые планировали продолжить контакты с Борисом после окончания командировки. Именно ЦРУ снабдило своего агента фотоаппаратом Т-50 в зажигалке для фотографирования секретных документов в резидентуре, куда Борис периодически приезжал, работая «под крышей» пресс-бюро ТАСС. Для повышения качества фотоснимков Борис практиковал печатание на машинке итоговых документов о работе резидентуры, приезжая в дипмиссию вечерами и в выходные дни, чтобы никто из чекистов не мешал его фотоработам.

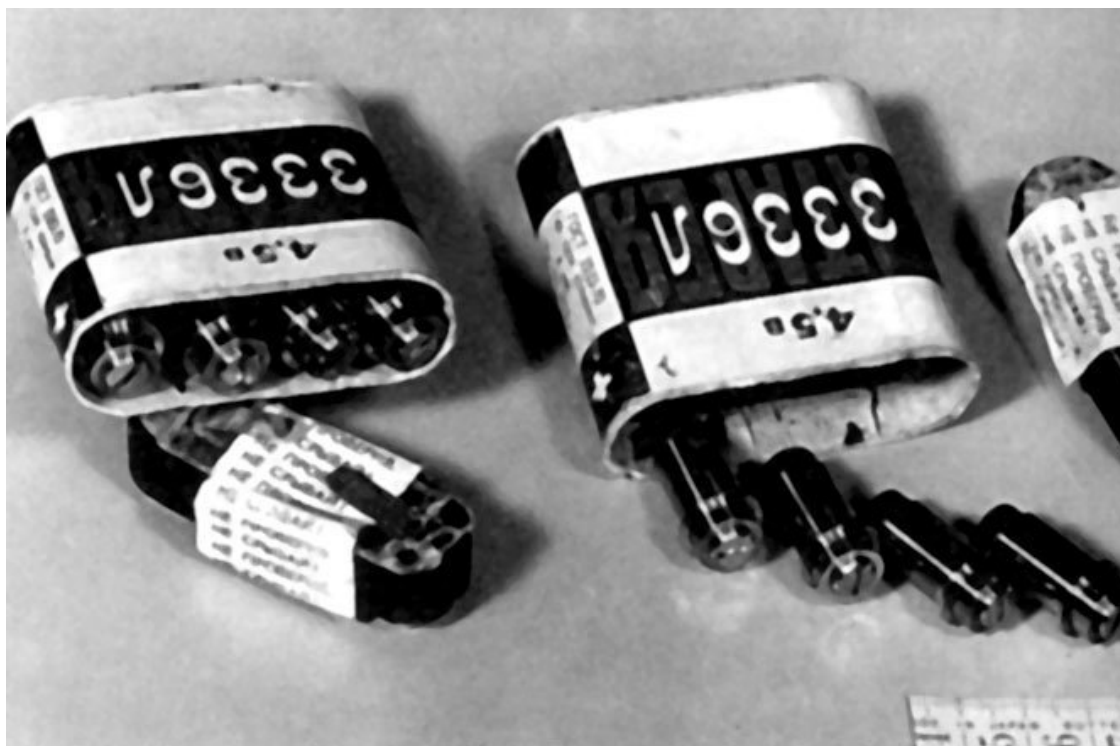
Однажды Борис получил задание от своего куратора сфотографировать внутренние помещения своей резидентуры. Проводя съемку, Борис сделал последний снимок большого зеркала перед дверью выхода из резидентуры, что, как и потерянный фотоаппарат, способствовало затем его расшифровке.

В 1985 г. Олдридж Эймс в начале своей работы на КГБ в числе советских сотрудников, завербованных американскими спецслужбами, назвал и молодого офицера, работавшего в 1970-е гг. в Сан-Франциско. Однако этого было недостаточно для идентификации Бориса. Позднее КГБ удалось получить тот самый снимок, на котором было сфотографировано зеркало с отражением самого Бориса, что оказалось окончательной уликой против него.

В отличие от покончившего с собой Огородника, а затем расстрелянного Толкачева, судьба Бориса оказалась гораздо счастливее. По приговору трибунала ему дали 15 лет, но через 6 лет Борис уже был на свободе после президентского помилования. Он перебрался в США, а затем к нему присоединилась и семья.

В ОТУ КГБ предпринимались различные попытки повторить фотокамеру ЦРУ. Надо сказать, что на вооружении КГБ уже были свои собственные микрофотокамеры со сходными параметрами, которые активно применялись в период холодной войны. Однако многократные попытки КГБ и Штази создать специальную тонкую фотопленку с высоким разрешением, как у «Кодак-1414», не давали нужного результата.

По словам Роберта Уоллеса, ЦРУ неоднократно обращалось в дружественные спецслужбы с просьбой изготовить фотокамеры Т-50 на основе полного комплекта конструкторских и сборочных чертежей. Однако повторить уникальный фотоаппарат ведущие мировые фотооптические лаборатории либо сразу отказывались, либо не смогли после многократных попыток изготовить такие элементы, как объектив и затвор.

Контейнер в советской батарееке для хранения кассет фотокамеры Т-50 (из архива Keith Melton Spy Museum)

А настоящие фотокамеры Т-50 можно посмотреть в музее ФСБ на Лубянке и в музее Академии ФСБ.

Очерк VI. Фотоаппараты компромата

Глава 20. Зачем и как дискредитировать человека

В XX веке фототехника активно использовалась спецслужбами для получения компрометирующих фотографий наряду с киносъемкой, видеосъемкой и записью акустической информации. Оперативные мероприятия с целью дискредитировать человека и заставить его затем действовать с интересах конкретной спецслужбы, как правило, тщательно планировались, организовывались и проводились, как хорошо отрепетированные спектакли, где в финальной части «герой», в отличие от театральной сцены, не выходил счастливый к зрителям «на поклон и цветы», а зачастую думал о том, а как теперь жить дальше?

Советская контрразведка и разведка активно использовали мероприятия по компрометации объектов оперативного интереса в довоенный и военный периоды, а также весьма активно в период холодной войны. Целями таких мероприятий были в большинстве своем иностранцы, члены делегаций, сотрудники торговых и дипломатических миссий, а также советские граждане, занимавшиеся противозаконной деятельностью и попавшие под бдительное око госбезопасности для последующего возможного использования в качестве внутренней агентуры, а также для передачи дел в суд. В большинстве мероприятий для получения компрометирующих фотоснимков использовалась классическая формула «алкоголь плюс секс», которая активно применялась как оперативными сотрудниками центрального аппарата КГБ и МВД, так и офицерами территориальных подразделений.

В обширной оперативной практике КГБ были случаи, когда компрометирующий материал не «срабатывал», что было следствием недостаточного изучения иностранца, объекта разработки. Так, например, один «уникальный объект» сумел убедить оперативников КГБ, что предъявленные ему фотоснимки пикантных постельных сцен в обществе специально подосланных ему в отель женщин произведут на супругу иностранца эффект необычного подарка. По словам «объекта компромата», они с женой были страстными любителями порноснимков. Для оперативников такой поворот финальной части мероприятия оказался совершенно неожиданным. В результате иностранец вежливо отказался от какого-либо сотрудничества и попросил подарить «на память» копии прекрасно сделанных фотоснимков.

На разборке итогов этого «прокола» от руководителя досталось всем, кроме оперативно-технических сотрудников, полностью выполнивших поставленные перед ними задачи: скрытое или негласное фотографирование (иногда использовался термин «документирование») действий иностранца в заранее подготовленном помещении, как правило, в городской квартире, номере гостиницы, элитном загородном клубе или в специальном охотничьем домике.

В результате активного развития фототехники в послевоенный период в арсенале спецслужб появились специальные стационарные фотокамеры, которые были рассчитаны на автоматическую фотосъемку в течение длительного периода времени. Такие фотокамеры, как правило, имели часовой механизм, который позднее заменили на электронный таймер, обеспечивающий покадровое фотографирование, например, каждые 5, 10, 15 секунд и более.

Понятно, что для длительной фотосъемки обычные фотокассеты не подходили, и потому специальные фотокамеры имели особые кассеты на 100, 200, 400 и более кадров, что давало возможность фиксировать действия объекта в течение нескольких часов и даже дней.

Подобного рода фототехника, как правило, размещалась внутри интерьера комнаты, в предметах, таких, как цветочные и декоративные вазы, настенные украшения и картины, в элементах мебели и в конструктивных особенностях комнаты: пустотелые «фальшивые»

перекрытия и выступы, настоящие или специально изготовленные вентиляционные отверстия и др.

Специальная фототехника заранее устанавливалась в предварительно подобранные камуфляжи-прикрытия, которые оборудовались как для многократного использования: в этом случае должен был быть обеспечен легкий доступ как для смены фотокассеты, так и для одноразового применения. Сотрудники, отвечавшие за все технические этапы выбора и подготовки камуфляжа, установку фотокамеры и проверку ее эффективной работы, часто использовали термин «закладные фотоаппараты», которые «закладывались» в заранее готовые места (камуфляжи, прикрытия) для проведения скрытой фотосъемки.

Глава 21. Фотоаппарат «Забег»

В начале 1950-х гг. был разработан один из первых «закладных» стационарных фотоаппаратов «Лавр», затем появились его модификации «Лавр-5» и «Лавр-6». В конце 1950-х гг. появилась фотокамера «Жимолость», а затем «Морозник». В комплекты этих аппаратов уже входили не только различные объективы, но и оптические насадки, позволявшие производить негласную фотосъемку через предварительно сделанные отверстия в стенах, полах и потолках соседних помещений. К сожалению, авторам не удалось отыскать фотографии этих камер или их описания. Однако эти устройства послужили основой для создания в 1970-х гг. одного из самых удачных стационарных фотоаппаратов «Забег», который длительное время использовался оперативными подразделениями разведки и контрразведки КГБ.

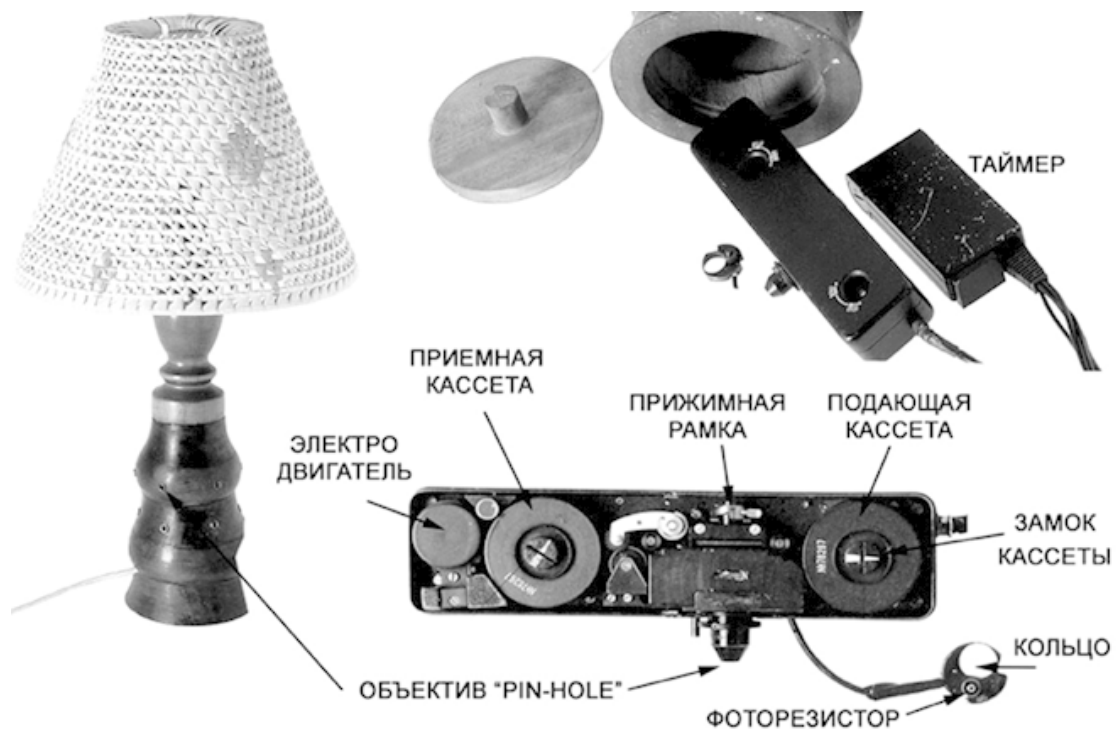

Камуфляж «Цветочная тумба» для фотоаппарата «Забег» с таймером. Фотографирование производилось через боковые декоративные решетки (из архива Keith Melton Spy Museum)

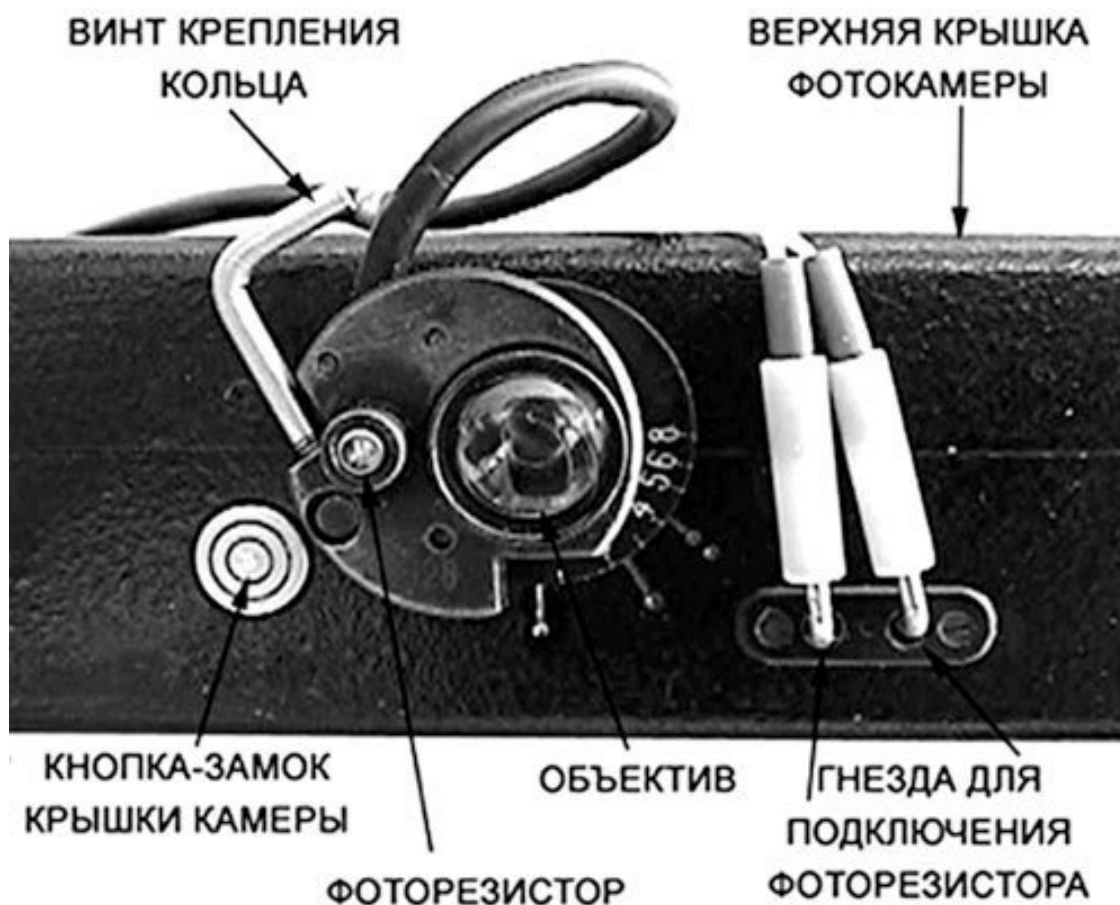
Надежная, автономная и бесшумная работа, возможность покадрового фотографирования в течение длительного времени сделали «Забег» одним из лучших советских спецаппаратов. Небольшие габариты и высокие фототехнические параметры камеры были весьма удобными для размещения в самых различных камуфляжах: в цветочных горшках и декора-

тивных вазах, настольных часах и в различных предметах интерьера и декорирования комнаты, кабинета или гостиничного номера.

В аппарате «Забег» была предусмотрена возможность автоматической установки скорости затвора в зависимости от освещенности помещения. В качестве измерителя освещенности использовался фоторезистор с креплением в виде кольца, которое устанавливалось на основании объектива.

Основные узлы и элементы фотокамеры «Забег». В качестве камуфляжа использовалось основание настольной лампы с декоративными отверстиями (из архива Keith Melton Spy Museum)

Элементы фотокамеры «Забег» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотографировал «Забег» автоматически с помощью пульта управления, где задавались все необходимые по плану мероприятия параметры. Часовой таймер задавал время начала фотографирования, например, через определенный период от 15 минут до 12 часов. С помощью правой рукоятки пульта управления устанавливался цикл съемки: фотографирование каждые 5 – 15 – 30–60 секунд.левой рукояткой с делениями 1,2, 3 и 4 задавалась чувствительность используемой в аппарате фотопленки в относительных единицах: 32,45,140, 250 ед. ГОСТ или 50,100,200, 400 ASA. Световые индикаторы «съемка» и «перемотка» показывали офицеру-технику режимы работы фотоаппарата в период его настройки перед установкой в камуфляж.

Выносной пульт управления-таймер аппарата «Забег» (из архива Keith Melton Spy Museum)

По своим техническим и оперативным параметрам «Забег» представлял собой полностью автономную систему для негласного фотографирования из камуфляжа с автоматической выдержкой, контролируемой в зависимости от освещенности помещения. Работа «Забега» обеспечивалась своими источниками электропитания, емкость которых заранее подбиралась в зависимости от длительности мероприятия.

Глава 22. Подготовка и проведение мероприятия для фотосъемки компромата

При планировании операций с применением «Забега» учитывалось время, отведенное на подготовку мероприятия, которое должно было позволить изготовление оригинального камуфляжа или доработку уже имеющегося в комнате предмета подходящих размеров для размещения фотокамеры и пульта управления.

В оперативной практике часто возникали ситуации, когда время на подготовку камуфляжа было крайне ограничено и оперативно-технический сотрудник использовал такие предметы, как небольшие чемоданы, сумки с твердыми стенками и даже пустые картонные коробки. В стенках этих предметов было достаточно просто сделать небольшое отверстие для объектива, а также удобно закрепить с помощью резиновых растяжек или термоклей корпус фотоаппарата, пульт управления и соединительные кабели.

Такие «быстрые» камуфляжи устанавливались, как правило, на шкафах, на верхних книжных полках и в других местах, откуда возможен был максимальный угол фотографирования действий, например, беседы объектов или их передвижения по комнате.

Стационарные фотокамеры «Забег» часто использовались для получения фотоснимков компрометирующего содержания, когда в качестве основной цели оперативного мероприятия было создание ситуации, которая в дальнейшем могла быть использована как основа вербовки. На рис. 22-1 показана интимная встреча иностранного военнослужащего с женщиной, агентом КГБ. Фотокамера «Забег», размещенная в настенной деревянной фигуре-камуфляже, периодически фиксировала все обстоятельства этого свидания в гостинице. В ближайшем номере располагался оперативный пост КГБ, из которого велся акустический контроль гостиничного номера и запись разговоров агента с объектом возможной вербовки.

Знаменитые московские гостиницы советского периода, такие, как «Россия», «Космос», «Москва» и «Националь», имели часть номеров, специально оборудованных для негласного наблюдения за действиями иностранцев, их гостей, а также для фотографирования и акустического контроля. В этих гостиницах технические подразделения КГБ использовали различные способы негласной фотосъемки.

Фотографирование аппаратом «Забег» в номере гостиницы (из архива Keith Melton Spy Museum)

Наиболее старой, проверенной годами была система зеркал, установленных под разными углами, которые давали возможность фотографировать действия объекта в номере гостиницы, используя обычную «ручную» фотосъемку. Такая система позволяла применять профессиональные отечественные или импортные фотокамеры, дававшие высококачественные фотоснимки.

Во время фотографирования звук срабатывания затвора следовало «прикрывать» музыкой проигрывателя или телевизора, что заранее обеспечивалось одним из участников мероприятия.

Фотографирование компромата с помощью зеркала (из архива Keith Melton Spy Museum)

На этом рисунке показан вариант фотографирования через специально подобранное вентиляционное отверстие, расположенное напротив большого зеркала. Опергруппа располагалась в соседнем служебном помещении, доступ в которое имелся только у сотрудников КГБ, обслуживающих гостиницу.

Глава 23. Фотосъемка через потолочное перекрытие

Часто в практике спецслужб возникали задачи негласного фотографирования в служебных и жилых помещениях, используя предварительно оборудованные отверстия в потолочном перекрытии. Для этих целей применялись специальные фотообъективы с трубками-удлинителями. Длина таких фотосистем доходила до 1 м. и более, а заканчивалась трубкой-усилитель оптическим отверстием 0,8 мм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.